

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

БОРИС ГЕОРГИЕВ

ДАЛИЛА-WEB

Dream over the world

Реализуя мечту, проверь, не мечтает ли она о тебе

Борис Георгиев

Далила-web

Текст предоставлен изд-вом «Снежный Ком»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3139535

Борис Георгиев. Далила-web: Снежный Ком М; Москва; 2012

ISBN 978-5-904919-39-9

Аннотация

Ему нет ещё и двадцати, он влюблен, любовь его прекрасна, как мечта, но разграфлённый, автоматизированный, стандартизованный, до тошноты унылый мир не собирается отпускать его добровольно. Можно ли смириться с таким положением вещей? Побег – единственный доступный выход. Но стоит ему побежать, Система заметит и будет ждать за каждым углом. Он может не узнать её, когда встретится лицом к лицу, ведь у неё миллионы облиций, и тогда он поймёт, почём его мечта. Система ревнива и не считается с чувствами, вдобавок она знает то, в чём он не рискнул бы признаться даже самому себе. Она хочет его. Перезагрузка не поможет.

Содержание

Предисловие автора	4
Глава первая	7
Глава вторая	33
Глава третья	58
Глава четвертая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Борис Георгиев

Далила-web

I was wondering where the ducks went when the lagoon got all icy and frozen over.

J. D. Salinger. The Catcher in the Rye¹

Предисловие автора

Чаще всего писатель берется за предисловие к роману, когда основной текст закончен, выправлен и, с точки зрения автора, совершенно готов к изданию. В этот прекрасный момент дух противоречия вмешивается, чтобы нашептать незадачливому творцу: «Тебя неправильно поймут. Слышишь? Возможно, не поймут вовсе». И автор, преодолевая желание послать рукопись ко всем чертям, садится кропать предисловие, как будто можно в двух словах высказать то, что не получилось вместить в четыре сотни страниц.

Прежде всего, хочу сообщить: все, что вы прочтете, всего лишь пересказ. Андрей Нетребко хороший рассказчик, слушал я внимательно, поэтому и смог месяца за три записать то, о чем он поведал мне при первой встрече. Случилось так, что мы ехали вместе в вагоне дальнего следования, а поездка, как вы сами, должно быть, замечали, располагает к откровенной беседе. Знающие люди могут возразить, что

дорожные разговоры правильнее было бы назвать безответственным трепом, и они будут отчасти правы. Чтобы не попасть впросак, я тщательно проверил информацию, сличил ее с данными, полученными из независимого источника, и только после этого взялся за роман.

Когда была написана последняя строка, я перечел текст и усомнился. «Слишком много, – подумал я, – слов и словосочетаний, которые могут показаться читателю непривычными, а то и непонятными». Значение некоторых из них мне самому представлялось туманным. Тогда я решил провести небольшое лингвистическое исследование, составить толковый словарь и поместить его в конце книги, чтобы не угрожать текст многочисленными сносками. Если какое-то слово удивит или рассмешит вас, пожалуйста, не торопитесь обвинять в этом автора, редактора и корректора, а загляните в словарь.

Должен предупредить также, что кое-где в тексте встречаются странные вставки, напоминающие выдержки из протокола работы сложной и, на мой взгляд, довольно бестолково написанной программы. Я не отвечаю за их содержание. Они попали в текст без моего участия и против моей воли. Как такое могло произойти, станет понятно вам, когда прочтете роман до конца. Во всяком случае, я на это надеюсь. Может быть, вы даже разберетесь в содержании загадочных вставок, тогда я буду вам признателен за пояснения. Я не знаток современного программирования. Часть извест-

ных мне языков, если можно так выразиться, родились мертвыми, а остальные почили в бозе, пережив рассвет и закат.

Вот и все, о чем я хотел предупредить вас, а теперь передаю слово настоящему рассказчику – Андрею Нетребко.

С уважением, Борис Георгиев

Глава первая

Тем утром я вел себя как последний дурак, честное слово. Прыгнул через турникет, побежал, будто нельзя было подождать три минуты, пока они сдуют со своей захаканной платформы последние пылинки. Со мной такое случается, даже если не спешу никуда, стоит только увидеть надпись вроде: «Идет уборка, извините за временные неудобства». Можно подумать, им и вправду жаль моего потраченного времени. Ага, сейчас. Сдохни я возле ограды, никому до этого дела не будет, пока не пойдет вонь от трупа. Вот если бы мне втемяшилось расколотить табло пальпатора или еще как-нибудь поразвлечься в том же духе, тогда забегали бы. И то вряд ли. Во-первых, мне и притронуться к этой замусоленной чистокожими сальной щупалке с души воротит, а уж сандалить в нее кулаком или там локтем – спасибо, ребята, я от такого и облеваться могу, а во-вторых, никто, понятное дело, ловить меня не станет. Зафиксят на видео, пробьют в базе радужку и спишут денег со счета сколько надо. И никакого удовольствия, даже в морду дать некому. Это мне на руку. Я хочу сказать, хорошо, что нет до меня никому дела, пока есть на счету бабки. Ну, прыгнул через ограду – с кем не бывает, – штрафнули бы, и все дела. Только в то утро обошлось без штрафа, я потом специально проверил. Почему-то не видели меня камеры, хоть и натыкано их на перроне – пропасть, как

иголок на заднице у дикобразера из «Пещеры-3». К слову сказать, кулевые они, хоть и старье; до сих пор от них торчу, как тогда. Я о дикобразерах, не о камерах, конечно. Камеры – дотошная мразь. Однако в то утро они меня не видели, и теперь понятно почему, но тогда я не смекнул, в чем дело. Не до того было, в общем-то. Плевать я тогда хотел на камеры, потому что просто удирал, спасался. И зря, между прочим. Я о том, что, если бежишь от Системы, нечего совать рожу в камеры наблюдения, лучше как-нибудь тишком да молчком, но я в то время ничего не понимал в этих делах, поэтому и вел себя как последний дурак, в чем я уже признался. Чего стесняться, если так оно и было.

Я вывалил на платформу, как двуногий ящер из «Рэксомании», и поскакал по ветру, а ветерок-то был ого какой, волосы рвал из башки с корнем, честно. Быть мне чистокожим, если вру. Оно и понятно – платформу как раз убирали, сдували с нее дрянь, которую прошлым вечером набросали всякие отщепенцы. Бумажки, пакеты, кожуру от чип-карт, какие-то ампулки-шмампулки и прочую дребедень. «Не сдуло бы меня совсем отсюда», – подумал я, машинально считая двери посадочных порталов. Досчитав до пяти, попробовал остановиться, но получилось не сразу, пришлось повернуться против ветра, расставить ноги, пригнуться и прикрыть лицо ладонью. И все равно по щекам и шее секло пылью, вдобавок еще чем-то садануло в грудь, я так и не понял, чем. Ладно, пришлось стоять, раскорячившись. Когда-то же, ду-

маю, они с уборкой покончат? Дуло еще с полминуты, пока я не понял, что все, можно дышать нормально, отплевал то, что на зубах скрипело, выпрямился и разжмурился. Не люблю просто, когда в zenки летит пыль, да и кому это понравится? Я, по крайней мере, таких не знаю. Поэтому и стоял с закрытыми глазами, хоть оглядеть платформу стоило, по приколу. Нечасто мне приходилось бывать на станции моно-рельса, больше скажу, один раз всего я им ездил, когда отец пробил два колеса.

Мы тогда возвращались с озера, где вместе с семейкой дяди Жени Лямкина, отцова двоюродного братца, жарили шашлыки. И без того мне было паршиво – холодно, живот болит от этих самых шашлыков, и настроение такое гадское, какое только может быть после встречи с Лямкиными дочерьми, а тут еще отец в дерьмо какое-то с гвоздями врюхался сначала правым передним, а потом и правым задним. Сами понимаете, на ободьях далеко не уедешь. Пробей он одно колесо, поставили бы запаску и все дела, и ничего бы не случилось. А так пришлось отцу загорать на дороге, ждать эвакуатор, а меня он отправил к монорельсу, благо станция оказалась неподалеку, да и живем мы в двух шагах от Кольца-5. Можно было с ним остаться, но у меня живот болел и, по правде сказать, до вокзального туалета я добрался с трудом. Ладно, дело прошлое. Но, если бы не обожрался я Лямкиными шашлыками и если бы отец, вместо того чтобы орать за рулем дурацкие песни, смотрел за дорогой, жизнь

моя сложилась бы иначе. Потому как, вылезши из вокзального толчка, я решил заглянуть в стационарный е-бар – хлебнуть бум-колы. Люблю я ее, как ни странно. И вообще, нужно было залить вонючие шашлыки каким-нибудь человеческим пойлом. В баре я встретил Салли Энн.

Никогда мне не забыть той секунды, когда впервые увидел ее у стойки. Я вперся в е-бар, озираясь, как нуб, которого пустили на второй уровень, а она в это время взбиралась на табурет, причем толпа ублюдков – что днем, что ночью их полно в любом е-баре, какой ни возьми, – вся эта свора тарасилась на нее так, что кое-кто без малого уже шею свернул. Скажу я вам, было на что посмотреть. Афрокожа тогда только входила в моду, да и не всем она идет, честно говоря, мне так уж точно лучше ходить нечерненым, но Салли... Если вам приходилось видеть афростатуэтки из углепластика, вы поймете меня. Добавлю, что ничего, кроме комбика из нанокожи, на Салли не было. Она казалась нагой, только застежка охватывала талию сверкающей змейкой. Блики барного полусвета лениво ползали по бедрам и груди. Завитки ее коротких, очень светлых волос напоминали лепестки цветка, я только забыл, как он называется. Растрепанный белый цветок на гибком черном стебле. Пробитые колеса, шашлыки и девчонки Лямкины вмиг вылетели у меня из головы. Как я очутился у стойки и что сказал е-бару, не помню. Но я думаю, мозг мне еще не совсем вынесло, потому как на стойке передо мной появился стакан с бум-колой. Пить я не стал

– все разглядывал завитки ее осветленных волос. Они казались жесткими, как проволока, и я представил себе, какими они должны быть на ощупь. От таких мыслей в животе у меня похолодело и заныли зубы. Я вспомнил, как Дэн настучал однажды в чате одной дуре, что у нее, мол, аблевастровые волосы. Той понравилось. «Сказать этой, – думал я, – что у нее волосы аблевастровые, или не стоит?» Я решил, что, пожалуй, не стоит. Терпеть не могу умников и красивые слова, особенно если не совсем понимаю, что эти слова означают. Пока я раздумывал, мой стакан загадочным образом опустел. «Волосы волосами, но надо бы поздороваться», – решил я и, думаю, сделал это, потому что она ответила: «Хай, мальчик», – и глянула мне прямо в глаза.

Вот тут-то и состоялся полный вынос мозга. Глаза у нее были серые, прозрачные-прозрачные. Два лесных озерца. Но я это припомнил позже, а тогда мне будто из рейлгана в башку жажнули. Очнулся – нет ее рядом. Пустой табурет, пустой бокал с воткнутой наклонно соломиной, на которой зонтик, а на дне бокала – вишня. «Вишню тебе с зонтиком», – бухнуло в голове. Я оглянулся, но незнакомки уже след простыл. В тот раз не получилось даже узнать, как ее зовут, и все же я твердо обещал себе найти ее, потому что не мог с тех пор забыть черную точеную фигурку, жесткие завитки волос и пару холодных лесных озер.

Стоя с закрытыми глазами на ветру, я вспоминал о Салли, а когда открыл глаза, увидел хмурое утреннее августовское

небо над чередой похожих на воротца для крокета опор монорельса. Пустой перрон. Я поежился как от холода. Тоска. Чтобы поднять настроение, подумал: «Салли, я скоро буду». Потому что не просто бежал от Системы, а ехал к моей Салли Энн. Но действительно ли она...

08212031:654:01:13 watchdog: объект <Андрей Нетребко> обнаружен;

08212031:654:01:13 watchdog: вызов supervisor выполнен;

08212031:654:02:18 supervisor: установка режима invisible выполнена;

08212031:654:02:18 supervisor: вызван constructor, Image=SN;

08212031:654:02:19 supervisor: видеопоток перехвачен;

08212031:654:02:19 supervisor: аудиопоток перехвачен;

08212031:654:02:19 supervisor: координаты перехвачены;

08212031:654:02:20 supervisor: запуск scort, descriptor=supervisor:EEEE;

08212031:654:02:24 supervisor.scort: запущен режим сопровождения;

08212031:654:02:25 supervisor.scort: residentmode=1;

08212031:654:02:28 constructor: генерация образа SN выполнена;

08212031:654:02:28 constructor:descriptor=supervisor:AAAA;

08212031:654:03:01 supervisor.scort: выявлены отклонения. Необходима коррекция;
08212031:654:03:02 supervisor.scort: данные переданы supervisor.SN;
08212031:654:03:03 supervisor.SN: получен запрос на коррекцию поведения;
08212031:654:08:34 supervisor.SN: оценка типа отклонений выполнена;
08212031:654:09:23 supervisor.SN: выбор типа коррекции выполнен;
08212031:654:09:23 supervisor.SN: ctype=message.34E01FAD481EFCC;
08212031:654:09:24 supervisor.SN: запущена процедура коррекции.

Нарукавник пискнул и зажег экран. Чипать мой мозг, думаю, надо же было вырубить эту сволочь! Сбежал от Системы, называется. Со мной всегда так – все продумаю, неделю готовлюсь, потом в последний момент затуплю, как тот ламер из анекдота о туалетном монстре. Ну, вы, само собой, знаете его, пересказывать не буду. Бородища у этого анека была в метр длиной лет за сто до рождения Билла Гейтса, а то и раньше. Так стормозить не всякому дано. Мужика с включенным нарукавником не то что Система, любой скулер младших классов разыщет. Это как два байта переслать! Словом, обложил я себя, как полагается, и собрался выключить. Но стало любопытно, кому в семь утра не спится, да и вагон все равно еще не пришел. Я вытащил наверх слой с

месагами и чуть не охренел, когда понял, от кого мэйл. Едва не заорал на весь перрон от радости. Салли! Как чуяла, что мне муторно одному на этой трепаной платформе. «Хэй, Дрю! Ты не забыл? Жду тебя в кофейне Гипермаркета-17, в Нижнем Городе. Не опаздывай, слышишь? Вечно тебя приходится ждать. В вирте – ладно, но в реале я обижусь. Да, dear, в реале я сегодня буду в том самом черном comby, от которого тебя плющит. Узнаешь? Вот, зацени скан...» Из нарукавника выскочил фантом Салли в три дюйма ростом. Она еще спрашивала, узнаю ли я! И это после трех месяцев вирта. Нет, конечно, одно дело домашний фантомайзер, и совсем другое – нарукавная фигня с матерчатым экраном, но все равно не могла она всерьез спрашивать, узнаю ли я мою бэйби. Если каждый вечер... С этого, кстати, начались терки с предками. Маман зафиксила меня однажды в гостиной с фантомом Салли, и спокойная семейная жизнь кончилась. Пришлось купить еще один фантомайзер и запираяться у себя в комнате, а это может вывести из себя кого угодно. Если добавить утренние кухонные квесты: чем я занимаюсь вечерами, почему у меня голоса до трех ночи, с кем я и как далеко зашли наши отношения, – станет понятно, из-за чего я вечно грызся с предками.

Нет, матери можно было бы рассказать кое-что, но я же знаю, все это она тут же вывалит в блог и три тысячи боевых мымр станут перебивать нам внутренности, а это не всякому понравится. Мне, по крайней мере, точно было бы гнусно. И

не думайте, что я приврал, чтобы набить себе цену, мымыр набежало бы даже больше трех тысяч. Ник моей маман – Ржавая Крыса, чтоб вы знали. Понимаете теперь? Я не осуждаю ее. Если у человека только и занятий – крутиться на кухне да трещать в своем бложики, не удивительно, что родной сын ей вроде клоуна или домашнего животного. Смотрите, Анджей уже держит головку. Анджей плохо поправляется, печаль, блин. Анджей срыгнул после еды, что делать?! Тетки, Анджей покакал колбаской, я счастлива! Анджей, Анджей, Анджей... Терпеть не могу. И дальше – только хуже. Народ, у Анджея уже стоит! Сегодня застала Анджея с какой-то кобылой. Вот фотки. Тетки, Анджей заперся, и там у него кто-то стонет женским голосом, что делать? И три тысячи дурстрочат ей, что делать, а она потом пробует это делать. Мрак. Это все равно, что дрочить на арене цирка. Блоги вообще олдовая блажь. Никогда в жизни не стал бы вести дневник, даже если бы хорошо платили.

С отцом еще хуже, он у меня естет. Узнал бы он, что сын пробавляется виртом, убил бы вообще. Я не шучу. У маменьки хватило ума не растрепать, что застукала меня с Салли, а в блог папик перестал к ней заглядывать много лет назад. Баловство, говорит, все это. Блоги то есть. И я точно так же думаю, но это не значит, что нам с папиком легко понять друг друга. У него заскок на естетстве, и это при том, что работает на синтокомбинате. Каким-то начальником по рекламе. Точнее не скажу, никогда не мог запомнить, как он там на-

зывается, да и не в этом суть. Меня бесит, когда кто-то жарит каждую субботу шашлыки из настоящего мяса, жрет только настоящие овощи, ездит на дорожке раритетной бензиновой развалюхе и при этом вкалывает на синтокомбинате, да еще и начальником по рекламе. То есть на работе он парит городским чипованным олухам, что фуда – это о! А сына тиранит, чтоб не смел пить бум-колу, потому как она – унылое говно. По мне, так все в жизни унылое говно, если вдуматься. Особенно шашлыки круглый год каждую субботу и дурацкие песни, от которых у беременной кошки может случиться выкидыш.

И только я представил себе папика, орущего под гитару песню, как...

– Тень, день, день! – забренчало из динамика над головой, будто кто-то в самом деле перебрал струны гитары. Я спохватился, согнал с локтя фантом Салли и вырубил нарукавник, чтобы замести следы. Вряд ли меня кто-то пасет в семь утра, но логи можно и после разобрать, натравить трассер, то-се. В нашем поганом мире предосторожности не бывают излишними, я считаю. Никого не касается, в каком вагоне...

– Вагон Р-112 радиального сообщения подан к платформе станции Кольцо-5. Уважаемые пассажиры, вход через синие ворота терминала. Просьба не задерживать посадку, – празднично прогундел динамик, и оттуда понеслась ахинея о новинках чип-видео.

– Иди ты в задницу, – буркнул я в ответ и приготовился

не задерживать посадку. Вообще-то, я не люблю грубить даже автоматам. Послать кого-то или там обозвать – не в моих правилах, но иногда невозможно удержаться. Диктора я обругал, потому что услышал идиотскую рекламу чип-видео и тут же вспомнил – монорельсом ездят одни чистокожие синтеты, да еще вдобавок чипованные. Значит, битых полтора часа придется проторчать с ними в одном вагоне, разглядывая отростки на голых черепах. Хорошенькое начало дня. Ну, ничего не поделаешь, назвался пальцем, полезай в кулер. Как только разъехались синие двери, я шмыгнул внутрь, стараясь глядеть под ноги, чтобы не стошнило сразу, если вагон полон. Ну, понятно, пустым он в семь утра не был. Как раз между Кольцом-3 и Кольцом-4 тот синтокомбинат, где вкалывает мой отец. Он-то, папик мой, мотается туда на своем музейном корыте, кучу денег тратит на бензин, между прочим. Те, кто попроще, добираются из своей деревни Малые Гребеня – или откуда они там? – монорельсом. Мне кто-то рассказывал, мол, некоторые даже из Города моником ездят, но я не поверил. За каким, извините, герцем горожанин будет ишачить на синтокомбинате? Салли говорила, нет ничего лучше работы в Верхнем Городе, а уж она знает точно. Да, так о чем я? Не мог в семь утра быть пустым вагон, идущий в Город, у нас на Кольце-5. Он и не был. Я тащился по проходу и разглядывал чужие ноги в айдиотской обуви, прекрасно зная, что увижу, если гляну выше. И, как назло, ни одного свободного места. Торчать в проходе я не хотел; монорельс

прилично раскачивает на ходу, особенно когда вагон меняет подвес на развилках. Все это мне хорошо запомнилось по первой поездке, вот я и брел по вагону, ища, где бы упасть. И только в самом конце салона, где кресла друг против друга, углядел свободные сидушки. Еще бы они были заняты. Кому понравится целый час, а то и больше сидеть таблом к таблу? Я собрался осмотреться и выбрать местечко получше, но пол дернулся под ногами, и меня повалило в ближайшее сиденье.

«Поехали», – подумал я с облегчением и глянул в окно. Вернее, собирался глянуть, но не получилось, потому что возле окна, прямо против меня, обнаружился чистокожий старикашка. Он разглядывал меня выцветшими глазками так, будто не человек перед ним, а инсектомутант. Мне он тоже не показался симпатичным. Из всех чистокожих старикашек, каких приходилось видеть, этот был самый гнусный.

– Здравствуйте, – сказал я ему, втайне надеясь, что после вежливого приветствия он бросит сверлить меня зенками, но не тут-то было.

Он собрал свою игуанодонскую шею складками, буркнул в ответ, чтоб и я не хворал, но таращиться не перестал. Прическа моя ему не нравилась. А мне кажется, хаера до плеч, как у меня, к примеру, гораздо лучше морщинистого безбрового яйца. Ну, чистокожий – он и есть чистокожий, что с него возьмешь. Мне подумалось, что этот тип нечипованный, потому как чипованные старики попадаются редко, я до той поры не встречал ни одного, да и не хотел бы встре-

тить. Но и тут не повезло. Дед возгласил довольно громко: «Не, прикиньте, шо хотят, то и творят!» – и стал искать поддержки, башкой своей яйцеобразной крутя по сторонам. И тут я заметил – он чипованный. Причем не просто, а по самые гланды. На затылке «косица» антенны и не один фидер, а два. Старый вертун, видать, апгрейвился лет десять назад, когда вышел смел-чип. Мало ему показалось видеть и слышать, захотелось еще и нюх побаловать.

– Хиппуешь? – спросил он меня злобно, когда сообразил, что остальным моя прическа по пояс, если не по колено.

– Да, – ответил я любезно. Хоть и не понял, что он булькнул, но ссориться не было желания. В реале я человек мирный: если встречаю агрессивного тролля, стараюсь замять разговор. Но старикашку мой ответ почему-то не успокоил, даже наоборот. Он заморгал своими лысыми бельмами (не могу смотреть чистокожим в глаза, тошнит), зашипел и весь пошел морщинами. Потом, похоже, взял себя в руки, потому как проговорил довольно спокойно:

– Сынок, я в твои годы был таким же, пока не поумнел. Ты шо, нарываешься, шобы в морду дали? Сними свой кулечек сам, так будет лучше, поверь.

Ненавижу, когда меня называют сыночком и начинают учить жить, как будто имеют на это право. И все равно я не понял тогда, что ему от меня нужно, поэтому ответил вежливо:

– Я вас не понимаю.

– Брось прикидываться, сынок, не зли меня. Я тебя по-хорошему прошу – сними кулечек. Нужно быть, а не казаться, вот шо я тебе скажу. Ты не один в вагоне, если шо. Тебе-то самому не видно, а остальным как?

– Остальным, вроде, пофиг, – отвечаю и чувствую, еще немного и пошлю, чтоб не лез. Говорю ему это и думаю: «Он что, в отрыве? Какой еще кулечек?» – но понимаю – не в отрыве дед. Видал я чипованных в отрыве, не тот случай. Слышит и видит прекрасно.

– А мне не пофиг, – проскрипел старик. Вижу, закипает, сейчас задребезжит крышкой. И точно – посунулся ко мне, да как заорет:

– Я тебя просил, свинья волосатая! Сними на хрен свой мохнатый кулечек! – и меня как схватит за волосы, да как дернет! У меня аж слезы из глаз, до того больно. Не ожидал от него такой подлянки, даже отбиваться не стал, потому как оторопел. Ну, оторопь оторопью, а все же больно, и я завопил на весь вагон:

– А-а! Чипать твою мать! Пусти, урод!.. Больно же!

Еще бы не больно, если выдрал целый клочок. Но, похоже, чего-то другого он домогался, потому что вскочил и стал разглядывать свои руки с прилипшими волосинами. Моими, между прочим. Гляжу сквозь слезы и вижу – позеленел он, потом принялся руки от волос отряхивать, шевеля губами. И снова – зырк! – на мою голову. Я даже руками закрылся на тот случай, если опять решит вцепиться, но старикан позе-

ленел еще больше и зажал ладонями рот. «Сдается мне, кому-то сейчас и вправду понадобится кулечек», – подумал я и не ошибся. Старый хрыч шустро крутнулся на месте, махнув хвостом антенны, пригнулся и вдарил вдоль прохода по направлению к ближайшему туалету. Там хлопнула дверь и стало слышно, как он зовет морского змея. Небось, всю свою утреннюю порцию фуды принес в жертву Большому Белому Брату.

Глупо, конечно, но я не смог сдержаться – ржачно же. Старый умник решил, что я в парике. Знаю, о чем вы подумали, нужно мне было сразу догадаться, но задним числом все стивдjobsы, а вы попробуйте соображать быстро, когда из вас волосы дерут. Всем известно, что кое-кому из чистокожих, которых очистили в раннем детстве, теперь это не нравится. Я их в полной мере понимаю. Глянешь утром в зеркало, а там глазастая задница без бровей и ресниц. Или, к примеру, муж нормальный, а жена – чистокожая. Вот они и носят парики: кто из протеста, а кто и по необходимости. Пришлось мне однажды видеть мужика, который не только парик на голову, но и чулки волосатые из нанокожи, и на руки волосатые перчатки по самые плечи натянул и в таком виде расхаживал в шортах и майке, гордый как павиан. Несчастный парень, если вдуматься. Понятно, что вредный старикашка меня принял за нечто в этом роде.

Досмеявшись чуть не до икоты, я понял вдруг, что радоваться абсолютно нечему. Во-первых, наши вопли слышали

все, и клик за два теперь плятятся, а во-вторых, сосед мой, когда проблюется, наверняка захочет назад в свое кресло, не всю же дорогу он будет в сортире сидеть. Но обошлось. Я даже удивился, оглядев вагон: одни лысые затылки, как булыжники на олдовой мостовой. Никто наших воплей не слышал, и если пошевелить мозгами, понятно станет – почему. На Кольце-5 кроме меня никто не входил, едут они давно, значит, все поголовно уже в отрыве от реала. Зря только кресла занимают, их сложить штабелями – самое то. Странно, что старый герц меня приметил, наверное, он из тех, кому нравится разглядывать пейзажи.

Я глянул в окно, но ничего интересного там не нашел. Рисовые поля, разделенные арыками, на горизонте – башни опреснителей. И значит, скоро по правой стороне появится синтокомбинат. Тощища смертная. Чипованный этого не поймет, ему везде, где есть покрытие, – рай. Там, где на самом деле остохреневшие рисовые насаждения, у него горы и джунгли, а то и вообще Пандора или Сириус-сити, если он на мегасериалах поведенный и есть деньги на пополнение чип-карты. Но завидовать здесь нечему. У меня, когда вижу лысые черепа с косицами, как будто шило в позвоночнике шевелится, до того гнусно. Лучше поскучать с часик, чем пустить к себе в мозг клопа, тем более что обратно его не вытащишь. Даже если и получалось у кого-нибудь расчиповаться, мне о таких случаях не известно. Зачипуешься – будешь до самой смерти таким же айдиотом, как этот старик.

Я вспомнил о нем и расстроился. В сортире стало тихо, значит, скоро он оттуда вылезет и тогда...

08212031:710:48:41	supervisor.scort:	получено
сообщение о коллизии;		
08212031:711:18:00	supervisor.scort:	выполнен
анализ ситуации;		
08212031:711:31:15	supervisor.scort:	уровень
опасности E;		
08212031:711:47:24	supervisor.scort:	запущено
распознавание фигурантов;		
08212031:711:48:59	supervisor.scort:	получены
данные о психотипах фигурантов,		
08212031:711:49:59	supervisor.scort:	
ptype=HL243ACDC8314;		
08212031:712:22:35	supervisor.scort:	вызов guard;
08212031:713:23:03	supervisor.guard:	выбор способа
воздействия выполнен;		
08212031:713:23:03	supervisor.guard:	
itype=001OLDFRTRCS7DRM;		
08212031:713:23:04	supervisor.guard:	вызов
процедуры воздействия.		

Старик так и не вернулся. Я забыл о нем, потому что стал думать о встрече с моей Салли, поглядывая на бесконечную нитку фудопровода за окном. Чего только я ни делал, чтобы разыскать ее. Я имею в виду Салли, конечно. Без ложной скромности могу сказать, не каждый хоумскулер с таким справится. Мне пришлось реконструировать образ, а это вам

не в чате флудить. Сначала я прикинул словесный портрет, потом натравил на то, что получилось, визуализатор, подправил вручную, а после еще пришлось повозиться с трассером – прошерстить видеокамеры в окрестностях вокзала. Меня чуть было не заловили на этом деле. На мое счастье, Салли расплатилась в е-баре не картой, а просто пальчики на пальпаторе оставила. Так я ее и нашел. В первый раз, когда ки-нул мэйл на почтовый ящик Sally. N, сердце мое колотилось не хуже погремушки на хвосте у гадины с третьего уровня Slime&Darkness. И зря, как выяснилось, я тряся. Разболтавшись однажды, Салли призналась мне, что ждала, когда ж, наконец, придет от меня письмо. Дурочка, не могла прямо в е-баре сказать, что запала. Я раньше не верил в чепуху про любовь с первого взгляда, а получилось, есть в этом что-то. Герц их, женщин, поймет, думал я в тот день, ведь не знает она обо мне ничего, откуда любовь? Но оказалось, Салли понимает меня гораздо лучше, чем маман, о Лямкиных девчонках и моих ковиртоклассницах я вообще не говорю – дуры еще те. А Салли – нет. Наверное, она одна такая, думал я через неделю после первого письма. Позже, когда начал встречаться с ней серьезно и дело дошло до вирта, неожиданно для меня самого получилось, что на остальных мне чихать с мокротой.

Думая о Салли Энн, я задремал. Проснулся так, словно меня толкнули, не понял даже сразу, где я и почему там очутился. Может быть, меня и толкнули; вагон как раз подошел

к станции, и в проходе толпился народ. В окне – хвост огромной надписи «...льцо-3» на столбах кольцевой линии. Пока я сообразил, что это уже синтокомбинат, и все чипанутые, кому туда нужно, ломятся на выход, они успели выгрузиться, но вместо них в вагон набилась тьма-тьмущая других таких же типов. Не понимаю, как чистokoжие узнают друг друга, по мне, так все они на одно лицо. Сидушки возле меня так и остались пустыми, я думаю, никому просто не захотелось сидеть по соседству с волосатым парнем. И очень хорошо.

Я порадовался, что так и не вернулся из сортира дед, решил, что он просто слез на Кольце-4. Можно было устроиться с удобством; я развалился в кресле, вытянул ноги и снова стал смотреть, как мелькают опоры монорельса и ползет в отдалении змея фудопровода. В Город, значит, тоже фуду качают. И чистokoжие, которые запрыгнули в вагон возле комбината, в том направлении едут, стало быть, живут они именно в Городе, хорошо, если не в Верхнем. Понимаете, по рассказам Салли получалось, что Верхний Город крут. Полазив по Сети, я убедился, что она не врет. Честно говоря, ничего я так не хотел, как поселиться с ней в Верхнем Городе, и сказал ей об этом дня за три до отъезда. Салли эта мысль понравилась, мы обсудили, будем ли ставить в квартире нирванну, и решили – будем, только чуть позже, потому что недешево она стоит, если лицензионная, а паленых понтов нам и даром не надо. Мысли о нирванне снова усыпили меня. Ничего странного в этом не было, я ведь поднялся в

герцовую рань, часа на четыре раньше обычного.

Проснулся я от удара по башке чем-то холодным и жестким. Дернулся, возмущенно буркнул: «Э! Полегче!» – но потом увидел, какого свалил дурака. Головой просто об оконное стекло пригрело, когда вагон менял подвес на развилке. Я расчехлился, продрал глаза – в окне что-то несусветное. Будто гигантский круглый стол с парой сотен ножек; из столешницы торчат вверх кристаллы и посверкивают гранями, в которых отражаются облака. «Да это же Город!» – дошло до меня после того, как увидел коптер, садящийся на верхушку одного из кристаллов.

Народ полез наружу густо, как будто на перроне парили шару, и я решил выждать, неохота было давиться. Как сказал один умник, собирая капли возле телепорта на последний уровень «вздрючки», не спеши, а то успеешь. Но все равно его тогда вынесли. «Вздрючка» умников не любит. Ну вот, подождал я, пока скроется с глаз косица последнего чипанутого, встал и заковылял к выходу. Ноги, блин, затекли до иголок. Если б не колотье в ногах, сразу бы выскочил на платформу, а так – захотелось мне проверить, не заперт ли сортир. Понимаете, никак у меня старикан из головы не шел, фигня какая-то получилась – пошел блевать и не вернулся.

Я тронул ручку двери – не заперта. Нет, думаю, все путем, сошел-таки дед на Кольце-4. Успокоившись за судьбу чипанутого старикана, я решил зайти в туалет, раз такое дело. Распахнул дверь и ввалился внутрь, дергая змейку на ши-

ринке, но расстегнуть не успел, потому что заметил разину-
тый зубастый рот и кадык на игуанодоньей шее. На крышке
унитаза в расслабленной позе восседал мой скандальный по-
путчик, упершись затылком в стекло и свесив плетьюми жи-
ловатые руки. Слюна стекала по подбородку струйкой и рас-
плывалась на рубашке темным пятном. Не знаю, дышал ли
он, пульс щупать я не стал, потому что касаться тела не хо-
телось. Не то чтобы я особо брезгливый, просто и без того
все было понятно. Зрачки во всю радужку, белки красные, —
дед вкатил себе в мозг изрядную порцию какой-то дури. Е-
дорфина или полиморфеуса. Сдох он от этого или спит, ме-
ня не касалось, пусть с этим полицаи разбираются, им за это
деньги платят.

Я нащупал на стене панель алярма, содрал фиксатор и на-
жал. И выскочил из злополучного сортира пулей за полсе-
кунды до того, как завывла сирена, чтобы не светить личиком
в камеру. Общение с полицией в мои планы не входило, еще
свидетелем сделают. Попадешь к ним в базу, потом с живого
не слезут, особенно если по делу о дури. Если заподозрят,
что ты к этому каким-то боком причастен, могут и домаш-
ний сервак хакнуть. Кто его знает, что там у меня на серваке,
может, и живет залетная дурь, вормами закачанная, — дока-
зывай потом, что ты не нарко е-нод.

Дождись я полицаев, точно бы не успел к Салли, поэтому
и выскочил из вагона, как ошпаренный, и метров пятьдесят
пробежал по инерции, расталкивая народ, пока не пришло

в голову, что напрасно подставляюсь под камеры. Всем известно, на бегущих они как раз и науськаны по умолчанию, и не только на бегущих, еще и на разных подозрительных айдиотов, которые крутят тыквами, стоя посреди платформы. Осознав это, я заставил себя идти спокойно, вместе с толпой, и глянул исподлобья на высоченный сводчатый потолок терминала. И тут только понял, что затупил, причем на этот раз глобально. В Городе я был в первый раз, где в Гипермаркете-17 кофейня – понятия не имел, но это полбеды. Главное, я даже приблизительно не знал, где и как искать сам треклятый гипермаркет.

Шагая вместе с толпой чипанутых неизвестно куда и неизвестно зачем, я оглядывался исподтишка. Чипанутым – что, идут с закрытыми глазами и в чип не дуют. Как слепцы. Но если разобраться, единственный слепец на платформе – я. Привык, что всегда с собой нарукавник. Какие проблемы, если он включен? Это если включен. Но вот включать-то его как раз и нельзя было, вруби я тогда нарукавник, бегство от Системы стоило бы не дороже, чем кожура юзаной чип-карты.

Озираясь, я заметил в толпе парня моего примерно возраста и не такого гнусного на вид, как остальные чистокожие. Кепка на нем была, вот в чем все дело; такая дурацкая темно-синяя кепка козырьком назад, потому этот тип и показался мне чуть человечнее других. И я решился. Протолкался к нему, – сволочи чипанутые и не думали обходить,

так и перли, словно меня не было, – пошел с ним рядом, дерг за рукав, и спрашиваю:

– Эй, друг, извини. Не подскажешь как...

08212031:902:16:29 supervisor.scort: получено
сообщение о коллизии;

08212031:902:17:03 supervisor.scort: выполнен
анализ ситуации;

08212031:902:17:04 supervisor.scort: уровень
опасности CE;

08212031:902:17:11 supervisor.scort: вызов guid;

08212031:902:18:32 supervisor.scort: запущено
распознавание фигурантов;

08212031:902:18:38 supervisor.guid: расчет пути
выполнен;

08212031:902:18:38 supervisor.guid:
map=EW2SNULLRUN47DA;

08212031:902:19:07 supervisor.scort: получены
данные о психотипах фигурантов;

08212031:902:19:07 supervisor.scort:
ptype=HL243YASSL2786;

08212031:902:19:08 supervisor.scort: вызов guard;

08212031:902:20:12 supervisor.guard: выбор способа
воздействия выполнен;

08212031:902:20:13 supervisor.guard:
itype=2C4SNY7ASSLMB3;

08212031:902:20:14 supervisor.guard: вызов
процедуры воздействия;

08212031:902:21:45 supervisor.guid: выбор типа

подсказки выполнен;

08212031:902:21:45

supervisor.guid:

ptrn=YTMRSIFTS;

08212031:902:21:46

supervisor.guid:

подсказка

запущена.

Парень приостановился, повернул ко мне голову, открыл глаза, и челюсть у него отвисла. Он закрыл глаза и снова открыл, шумно дыша через рот, и стал вдруг дергаться, пытаюсь высвободиться, но я крепко держал его за рукав.

– Мне всего-то надо узнать... – начал я, но не договорил. С парнем творилось что-то странное. Глаза закатились, он больше не пробовал высвободить руку, как-то обмяк и вдруг запел громко и довольно немзыкально:

– *One day you'll find that I have gone...*

– Эй, эй! – попробовал я вернуть его к реалу. – Друг, как пройти в гипермаркет?

Но парень вместо ответа двинулся вперед, виляя бедрами, и продолжал голосить:

– *But tomorrow may rain so I'll follow the sun!*

Не знаю, что он этим хотел сказать, не силен я в языках, когда нарукавник выключен. Кажется, он нес что-то о прогнозе погоды на завтра. Я тащился следом, держась за рукав. Слава рыбьим яйцам, никто не обращал на нас внимания, а то решили бы, что я клею педика.

– Приятель! – взмолился я, но он неожиданно дернулся так, что пришлось мне выпустить рукав его куртки, указал

вперед и вверх пальцем и пропел на ходу:

– *Yes, tomorrow may rain so I'll follow the sun.*

Я машинально проследил, куда он показывал, и увидел в торце платформы огромную нанодиодную надпись: «Завтра может пойти дождь». Она повисела, мерцая, над перроном и погасла, уступив место следующей строке: «Посетите Гипермаркет-17 сегодня!»

Парень успел уйти вперед, но я слышал, как он надрывается:

– *Yes, tomorrow may rain so I'll follow the sun.*

И тут же на стене зажглось оранжевое солнце с надписью «Гипермаркет-17», а ниже: «Следуйте за солнцем». Ниже надписи сияла гигантская оранжевая стрелка указателя. Направо.

«Годмод! – подумал я и, оставив сумасшедшего вокалиста, свернул по стрелке. – Вовремя эта реклама подвернулась». Полезная штука рекламные надписи, я считаю.

По короткой трубе перехода меня вынесло на поверхность, выбросило возле одной из гигантских колонн, и я впервые увидел в реале тусклое голубоватое сияние неба Нижнего Города. Несколько секунд стоял, раззявив рот и запрокинув голову (там, откуда сияние, – Верхний Город!), потом меня толкнули в спину, я поспешил убратся с прохода и приметил неподалеку между двумя колоннами оранжевый купол, похожий на закатный солнечный диск. Над жерлами входов – шары в человеческий рост, на шарах – буквы. Я

прочел: «Гипермаркет-17».

Глава вторая

Даже передумай я идти туда, вывернуться из людского потока не получилось бы. Меня внесли в арку под шаром с буквой «П», притиснули к ограде, пропихнули через вертушку, причем прошел я внутрь, крепко обнявшись с худосочной афрокожей девицей баскетбольного роста. Мы с ней ухитрились вдвоем оказаться между крыльями турникета, и голова моя была как раз у нее под мышкой. Не женщина – мечта лесоруба. Два с половиной метра костей, жесткая, как шведская скамейка, и держала крепко. Но все-таки я вывернулся, потому что опасался, как бы она не приняла мою голову за мяч и не попыталась уложить в корзину.

Оказавшись внутри, я почувствовал себя свободнее – здесь не так пихались, – и принялся искать, где у них кафе, но, глянув мельком на стеллажи, забыл на время и о кафе, и о Салли. Только не смейтесь, вспомните – я не был в гипермаркетах ни разу. Жрачку, шмотки и прочее мы покупали по Сети, в магазинах бывали нечасто. Сказать по правде, несколько раз всего заезжали, и не в магазины, а на фермерский рынок. Там сразу понятно, что лежит на прилавке, а если непонятно – позади ящиков обязательно трется сам фермер с вот такой вот ряхой, он объяснит. Потому я и опешил слегка, когда увидел на стеллажах ряды белых одинаковых коробочек без надписей. Ни ценников, ни картинок –

ни-че-го. А эти снуют мимо с тележками, хватают коробки, не глядя, да и вообще, кого ни возьми – у всех глаза закрыты. Какая-то тетка лет тридцати мне по ногам тележкой проехала, схватила коробку, подумала, выложила обратно, потом еще подумала, пошевелила пальцами в воздухе и с соседней полки стащила две такие же коробки. Кивнула с довольной улыбкой, промычала: «Теперь для Лешеньки...»

– Извините, девушка, – говорю ей. – Можно вас побеспокоить? Вы не подскажете...

– Господи! – простонала она в ответ, не открывая глаз. – Как же достали эти промоутеры! Я из-за тебя забуду... Где твоё окно, чтоб я закрыла сразу?

А сама озирается с закрытыми глазами и указательным пальцем в воздух тычет.

– Понимаете, девушка, в кафе гипермаркета... – начал я объяснять, почему докучаю, но она перебила с досадой:

– Так это реклама кафе! То-то я смотрю. Где окно твоё?! Опять эти сволочи плавающее повесили, чтобы искать подольше. Спамеры драные.

И – тык! – пальцем чуть ли не в глаз мне.

Тут уж я обозлился. Схватил ее за руку, выругался, не помню как, но, думаю, крепко. Она, наконец, догадалась раскрыть глаза, визгнула и, пока я потирал царапину на щеке, вырвалась, подхватила тележку и дунула вдоль ряда, аж колеса затарахтели. Я поплелся следом, не пытаясь больше ни с кем заговаривать. Решил: обойду весь этот сарай, но кафе

найду. Шел и думал: странное существо – человек. Ко всему привыкает. Я вот, к примеру, утром еще и не представлял, как буду в одном вагоне с чистокожими ехать. А теперь вокруг тысяч двадцать, если не больше, чистокожих чипованных айдиотов, а мне хоть бы хны. Сам с ними заговариваю, и они мне отвечают. Я еще раз потер щеку. Нехило царапнула, гарпия. А если б там глаз? Толку, правда, от глаз мало, когда ни одной надписи. Непонятно даже, был я за тем вон поворотом или еще нет?

Но когда я повернул, понял – нет, не был. В конце ряда двери. «О! – думаю, – вот это и есть кафе. А что надписей нет, так их здесь нигде нет». Сами понимаете, не мог я сдержаться, чуть не бегом проделал остаток пути, рванул дверь... Нет, не кафе это было. Обыкновенный толчок, только большой очень. Я собирался сказать в дверь какую-нибудь гадость и вернуться к поискам, но сообразил – торопиться не надо, мне ведь есть, что делать внутри, раз уж так получилось. Тогда в вагоне не вышло ничего из-за трахнутого в мозг деда, но не во всякой же кабинке у них тут сидят обдолбившиеся наркомы, вон сколько дверей. Я распахнул первую попавшуюся и вошел.

Нет, вы не подумайте, что я вам потому все это так подробно рассказываю, что мне нравится снимать штаны на публику. Не люблю я это дело и порнуху поэтому не уважаю. Просто иначе вы не поймете. Дверь кабинки за мной закрылась, чмокнул магнитный замок, прямо перед глазами

зажглась надпись: «Садитесь, пожалуйста», – и открылась крышка унитаза. Вообще-то я и стоя могу, но раз приглашают... Уселся я, значит, а сам думаю: ну, хоть это дело чипанутые с открытыми глазами делают. И точно, прямо перед глазами на двери надпись: «Приятного отдыха!»

– Ага, – говорю, – спасибо. Забыли только напомнить, чтоб ремни пристегнул.

Но мне ничего не ответили. Когда я встал, надпись на двери погасла, а выше, как раз против глаз, появилась новая: «Спасибо, что зашли, госпожа...» – дальше был пробел, должно быть, для фамилии. Пока я соображал, откуда сортир должен знать, как меня зовут и почему обозвал госпожой, сзади зашумела вода, дверь пискнула, и на ней возникло: «Оплатите, пожалуйста, посещение».

– Предупреждать надо, – буркнул я мрачно, и тут только до меня дошло, в какую попал засаду. Нарукавник включать нельзя, а даже если бы и было можно, – откуда мне взять реквизиты, куда платить? Я толкнул дверь, но без всякого проку – заперто.

– Распорядителя позовите! – крикнул я и навалился на дверь всем телом. Какое там, даже не скрипнула. Тут-то меня и переклинило. Орать стал, не помню что; кажется, колотил кулаками; может быть, и ногами добавил. Короче, закончился этот квест просто: шаря по дверной панели, я нажал на пластину возле замка...

объекта выполнена;
08212031:925:54:34 supervisor.scort:: вызов guard;
08212031:925:55:06 supervisor.guard: выбор способа
воздействия выполнен;
08212031:925:55:06 supervisor.guard:
itype=00СТCHUBC4XXX;
08212031:925:55:07 supervisor.guard: вызов
процедуры воздействия;
08212031:925:56:45 supervisor.guard: вызов clear.db
<Андрей Нетребко>;
08212031:925:58:03 supervisor.scort: вызов guid;
08212031:925:58:34 supervisor.guid: выбор типа
подсказки выполнен;
08212031:925:58:34 supervisor.guid:
ptrn=standard.chrt <Андрей Нетребко>;
08212031:925:58:35 supervisor.guid: подсказка
запущена;
08212031:925:59:59 supervisor.scort: flag=object-
ready;
08212031:926:00:01 supervisor.scort: управление
передано supervisor.root;
08212031:926:55:12 supervisor.root: выбор сценария
выполнен;
08212031:926:55:12 supervisor.root:
scntype=PROMOTION_TRT;
08212031:926:55:13 supervisor.root: запуск
обработки объекта выполнен.

...и дверь снова пискнула. Я не сразу понял, что произо-

шло, только когда по дверному полотну побежали буквы, сообразил, что угодил ладонью в пальпатор. Я пнул дверь еще раз, но слабо, просто не успел еще успокоиться. Ясен герц, она не открылась. Тогда я стал читать письмо сортира-рэкетира. Букв там было много: «Уважаемый Андрей Нетребко! Вы непредумышленно нарушили пункты 3.14.1, 3.14.2, 3.16, 9.20 Правил пользования магазина для чип-модифицированных граждан «Гипермаркет-17». Вы игнорировали правила эксплуатации мест общего пользования (женский туалет) и осуществили несанкционированный доступ к санитарному оборудованию корпорации «Гипермаркет». Согласно Уставу корпорации и на основании статей ГК (юридическое обоснование отправлено Вам в электронном виде), с Вашего расчетного счета будет удержан штраф в размере...»

– Ни фиги себе! – вырвалось у меня, но я все же стал читать дальше:

«...безакцептно. На основании Закона о защите личной информации данные о факте нарушения внутренних правил корпорации «Гипермаркет» разглашены не будут в случае, если Вы не сочтете нужным оспорить действия корпорации в судебном порядке. Считаю долгом предупредить Вас, что повторное нарушение Правил будет расценено как предумышленное деяние и может повлечь за собой административную ответственность.

Оставайтесь, пожалуйста, на месте до прибытия представителей службы внутренней охраны».

Ниже подпись: «С уважением, администрация магазина для чип-модифицированных граждан». Еще ниже я прочел: «Чип вам в помощь!» К чему последняя надпись, я тогда не понял, потому что зол был на все и всех и на себя в первую очередь. Оставайтесь, говорят, на месте! Жулики. Хотел бы я сойти с этого самого места! Я саданул в дверь кулаком еще раз, уселся на крышку унитаза и стал ждать прибытия представителей.

Явились они быстро, но не представители, а представительницы. Смех, да и только. Открывается дверь, а там две бабы. Здоровенные. И обе мне показывают: выходи, мол. Прямо как члена правления меня у дверей толчка встретили и повели под локотки. Я не рыпался, интересно же – куда потащат. А у входа что творилось! Когда заловили меня, система безопасности, надо думать, блокировала и входную дверь тоже; очередь там выстроилась из чип-модифицированных гражданок просто невразумительная. И уж они-то, будьте спокойны, глаза открыли, чтоб посмотреть, как меня поведут. И шипели одна другой, видно было – с большим наслаждением:

- До чего дошло, нигде от маньяков нет спасения!
- И не говорите. Слушать не хочу. Куда смотрит полиция?
- Слышишь меня, Сережа? Я возле туалета. Тут поймали хакера...
- Какого хакера, что вы несете, девушка?
- Не мешайте, я не вам. Сережа...

– Ха-акера! Такое придумают. Обыкновенный маньяк.

– Ты что, не поняла ничего? Ты меня удивляешь, Натка.

Он е-нод. Известный дилер. На горячем поймали.

– Ха! Насмешила. Наркод обычный.

– Какой наркод?! Натка, поменяй прошивку, а то так и останешься... Посмотри, какой волосатый!

– Ну и что?

– А то. Где у него фидер, а? Нету. Он такой же наркод, как я – Салли Энн.

– Да, не очень ты на нее похожа, – критически заметила та, которую называли Натой. До меня слишком поздно дошел смысл услышанного, я оглянулся, но понять, кто из них сказал о Салли, так и не смог. Попробуйте запомнить кого-нибудь в огромной очереди из лысых женщин – они и спереди-то на одно лицо, одеты только по-разному. Да и без толку, в общем-то, запоминать, охранницы свое дело знали, держали за локти – не вырвешься, и уверенно тащили куда-то.

– Девушка, – сказал я той, что охраняла мой правый локоть. – Не зайти ли нам в кафе? Выпили бы по коктейлю, поболтали бы...

Говорю, а сам думаю: «Нужна ты мне, корова. Мне бы в кафе попасть, а там посмотрим. Времени уже скоро десять часов». И тут меня осенило. Какой коктейль, если она чипанутая? Она же одну фуду глотает, а для вкуса и тому подобного у нее код с чип-карт! Какое вообще здесь может быть кафе, если этот оранжевый сарай только для чипану-

тых? Что они там, фуду через трубочку посасывают? И стали меня грызть сомнения. Как же Салли мне встречу в кафе назначила? Она, что же, – не знала? Так ведь говорила, что чуть не каждый день там бывает... Здесь, то есть в этом самом дупермаркете. Чипанутая она, что ли? Я помотал головой, чтобы вытрясти сомнения, и прикусил язык. Решил помалкивать и к охранницам с предложениями не подъезжать, пока не выяснится, чего им от меня нужно. Но им, похоже, по фидеру было, говорю я или молчу.

Протащили меня через весь торговый зал к стеклянной перегородке, за которой деревья, кусты и какие-то палатки или лотки, подождали, пока стекло уедет в сторону, подпихнули в спину. Я почувствовал – локти свободны, но только собирался спросить у суровых теток, что все это значит, стеклянная перегородка стала на место.

– Э! – кричу и пальцем в стекло постукиваю. – Так мы не договаривались! У меня в кафе встреча!

А одна из охранниц постучала маникюром себе по башке, точно как я по стеклу, и показала надпись на перегородке. А на ней: «Вход только для персонала. Приготовьтесь к чип-досмотру!» Я сплюнул и повернулся к ним спиной. Чип им в помощь, думаю.

И оглядеться не успел, какие-то ко мне подскочили в оранжевых с белым одеждах и стали меня хватать за локти. Да что ж такое, думаю, сегодня прохожу мне не дают!

– Молодой человек, вы естет? Не заполните ли анкету?

Нам очень важно ваше мнение! – и давай мне в три голоса втирать, как им важно мое эстетское мнение, и тянуть меня за рукава в разные стороны. Симпатичные, между прочим, девчонки, такие светлокожие блондиночки, все как на подбор мелкие и шустрые. С рекламными улыбками. А я что? Если мое мнение так важно... Ну и дал себя затянуть в одну из палаток. Той блондинке поддался, которая спросила, не хочу ли я вернуться в гипермаркет, потому что все еще надеялся попасть внутрь и разыскать там Салли.

Как эта беленькая в палатке стала меня обхаживать! Кресло придвинула, дождалась, пока я в него плюхнусь, склонилась, ладошку свою мне на локоть, хлоп-хлоп ресницами и спрашивает, удобно ли. А у самой оранжевая хламида на груди разъехалась, какое уж тут удобство. Сглотнул я и говорю ей, мол, все путем. А у самого голова кругом. Она руку с локтя не убирает – ногти ее кожей чувствую, – и при этом как-то ухитряется придвинуть второй стул – для себя, и усесться рядом, на краешек. И коленками ко мне вплотную.

Ну, сами понимаете, я расслабился. Развалился в кресле и стал ждать продолжения. А вы что сделали бы? Сбежали бы от нее? Правильно, и я бы сбежал, если б знал, чем эти сопли в сахаре кончатся. Но опомниться мне не дали. Откуда ни возьмись у нее в руках появилась стопка бумаги, потом блондинка добыла из ниоткуда ручку и стала задавать вопросы, но при этом не забывала прижиматься коленками, хлопать глазами, наклоняться, демонстрируя свои прелести,

и говорить с придыханием. Мы с ней мигом добрались до середины ее вопросника. И фамилию она из меня вытянула и адрес; кажется, даже айди Андрея Нетребко и его мэйл ей стали известны, но за это не поручусь, просто не помню. Когда я немного пришел в себя, каверзные вопросы уже кончились, пошла всякая чушь. Что мне понравилось и что не понравилось в гипермаркете, какую я могу поставить оценку по стадвадцативосьмибалльной шкале за их такой-сякой сервис-швермис, от кого и как я узнал об их оранжевом сарае, – в общем, пошла пурга по трубам. Но когда она услышала о Салли Энн, началось самое интересное.

– Салли Энн? – говорит и совсем уж близко придвигается.

– А вы с ней знакомы? – спрашиваю, а сам думаю: «Что она творит?» Было чему удивляться. Она запустила пальцы мне в волосы и говорит:

– Конечно. Так вы к ней приехали? – а руку не убирает. Коготки ее у меня на затылке.

Я чуть было не брякнул: «Нет, к вам», – но спохватился. Прозвучало бы глупо. Отдулся и отвечаю:

– Да, мы должны были встретиться в кафе гипермаркета. Меня выставили оттуда за то...

Но она не слушала, что я бормочу. Перебирала мои волосы, а потом спрашивает:

– И вы хотите туда вернуться? – и прямо в глаза смотрит. У меня озноб прошел по загривку и зашумело в ушах, что ответил, не помню. Перед глазами оказался лист с мелким

текстом, в руках – ручка, и слышу, мне щекотно говорят на ухо: «Тогда подпишите здесь». Странно, что я нашел в себе силы спросить: «А Салли?» Мне ответили: «Подписывайте, и я вас с ней сведу».

И я подписал не глядя. Понимаете, не до того мне было, чтоб читать десять листов мелким шрифтом.

Сзади что-то зашуршало, сквознячок подул в затылок, и в палатке стало светлее. Потом женский голос проговорил довольно громко: «Все в порядке, приступайте». Я даже не сразу узнал, что это та самая блондинка, потому что ничего приятного в ее голосе больше не было. Сухо она это сказала, как будто собаке своей: «Ко мне! Фас!» Я обернулся узнать, к чему приступать-то, и вижу – полы палатки распахнуты, в проеме – задница машины, такого фургона, в каких медики ездят. Причем двери уже открыты, и лезут из них два амбала в белом. Вернее, один лезет, а второй вылез давно. Все, как в тридцать втором клипе сериала «Доктор Смерть», только без музыки. В голове у меня по-прежнему шумело и никаких мыслей не было, кроме идиотской: «К чему приступать?!» – но уж ее-то успел я прокрутить на разные лады. И тут заметил в руках у второго брата милосердия белую штукювину в виде пистолета.

– Что за фигня?! – спрашиваю, а сам уже на ногах. Не заметил, как вскочил. Но отвечать мне никто не собирался. Пошел экшн. Башка моя как была в спящем режиме, так в нем и осталась, за дело взялся спинной мозг. Помню, мель-

кают затянутые в белое руки и ноги, причем их почему-то гораздо больше, чем должно быть, как будто не двое на меня накинудись, а четверо, по меньшей мере. В какой-то момент из мельтешения вынырнуло дуло белого орудия пытки, я увидел явственно множество мелких игл с дырочками. От ужаса я даже кричать не смог. Схватился за ствол руками, вывернул в сторону и ткнул во что-то мягкое. Оно взвыло дурным голосом, после чего мелькание кончилось.

Встряска пошла моему организму на пользу – вытряхнула сладкую дурь. Очнулся. Стою на коленях, прямо передо мной валяется один из медбратьев, чуть в стороне от его чистокожей башки – белая шапочка. Лица его не видать, только затылок с бляшкой фидера, а из бляшки торчит хлыст. Антенна. С мозгами моими не все в порядке было, точно вам говорю. Иначе как объяснить, почему мне захотелось свинтить с фидера антенну и разглядеть получше. Потянулся я к ней – рука заболела. Потом вспомнил о втором амбале. Он-то куда делся? Поздно вспомнил.

Что-то сдавило шею, меня сунули лицом в теплое и шершавое, чуть не сломав нос; так наступили на спину, что перехватило дыхание, и принялись выворачивать руки. Больно же! Кажется, я заорал, но не от боли, а просто сообразил: теплое и шершавое – это спина того чистокожего, об него мне плющат нос, к нему прижимают так, что ни охнуть, ни вздохнуть. Крик, конечно, не получился. Через какое-то время я понял, что снова могу дышать, открыл глаза и успел за-

метить, как мелькнули справа и слева распахнутые двери машины. Рывком надвинулся ребристый пол, я услышал грохот и крик, меня садануло в лоб и по коленям. Но только лишь когда хлопнули двери и стало темнее, я осознал: кричал я сам, именно у меня под щекой ребристый грязный пол, значит, не кого-нибудь, а меня, Андрея Нетребко, швырнули в фургон, как куль с песком.

Думаете, я попробовал вырваться, двери высадить? Не угадали. Говорю вам, крышу мне сорвало, сто процентов. Сел на пол, прислонился боком к жесткой кушетке и давай крыть матом, но только не санитаров, до них еще не дошла очередь, а девку оранжевую, за то, что затащила меня в палатку. Палатке тоже досталось, но мимоходом. Главным образом мое выступление затрагивало вопрос происхождения девицы в оранжевом, разные стороны ее внешности и внутренностей. Помянуты были также ее душевные качества и сиськи. Я подробно помню, о чем именно вопил, но пересказывать не буду.

Накричавшись, я обнаружил, что стою на коленях у перегородки между кабиной и салоном, вцепившись в частую стальную решетку. За решеткой – пустые кресла: водительское и пассажирское. Машина, судя по виду панели, – электрокар с управлением для чипанутого водителя. Мне уже приходилось видеть такое – ни руля, ни педалей. Если вдуматься, чипанутому они не нужны, даже мешали бы.

Я не знаю лучшего средства для отрезвления, чем холод-

ные прутья решетки между пальцами. Мне оно тогда помогло. Я подергал решетку, больше для порядка, чем из желания сломать, справа звучно щелкнуло, но не мои потуги были тому виной, просто открылась пассажирская дверь. В лицо дунуло прохладой, и вдруг над спинкой сиденья возникла блестящая лысина с хлястиком. Машину качнуло, в кабину сунулась еще одна лысина, и я услышал недовольное хрипловатое ворчание:

– Говорил тебе, не суйся под руку. Энтузиаст. Таскай тебя теперь.

Одна из лысин, поворочавшись, утвердилась над спинкой кресла и прижалась к решетке, вторая скрылась. Стукнула дверь.

Пока я тупо разглядывал хвост антенны чипанутого энтузиаста, просунутый между прутьями, снова щелкнул замок, на этот раз слева. Машина опять присела на амортизаторах, и тот же хриплый голос проговорил с еще большим раздражением:

– И еще я тебе говорил, проверь парализатор. На тебя, дурака, заряда хватило, а этого как? Брыкается же гаденыш мохнатый, мне халат порвал.

Это он обо мне, думаю. Меня гаденышем назвал. Я, значит, брыкаюсь.

Чувствую, сейчас меня переклинит, опять наломаю дров. Но медбрат на меня ноль внимания, устраивается в кабине и чем-то там щелкает на панели, бурча под нос:

– Тебе ничего, а мне теперь борт вести. А я в этом деле, как ты в анестезии. Что тут еще врубить нужно, чтоб радар видеть?

– Долбозавр дятлоголовый, – говорю ему я. От ненависти меня таращит не по-детски. – Не умеешь – не берись. Таких как ты, ламеров, к машине близко подпускать нельзя.

– Мохнатым слова не давали, – отозвался санитар и – шарах! – кулаком в решетку. Я отшатнулся, но больше от неожиданности. Попало не мне, а его приятелю, аж голова дернулась, только тому это было глубоко по фидеру, потому как все равно без чувств. «И я вот так же мог валяться, если б не кончился заряд в парализаторе», – подумалось мне, и тут я додумался наконец, что пора бы попробовать выбраться из машины. Бросился к дверям, задергал ручку.

– Да, обезьянка мохноголовая, попрыгай там, можешь даже побиться своим безмозглым кокосом об двери, – злорад-но бросил через плечо чистokoжий.

– Выпустите меня! – кричу. – Яйцеголовые твари! Вы не имеете права! По конституции...

– О! – слышу в ответ. – Ты понял, Нил, какие эта мартышка слова знает? Конституция!

Меня как холодным душем окатило. По тону понятно, чихать они хотели на мои права. Я бросил ручку двери и ки-нулся к решетке. И тут же услышал, как заныл двигатель. Электрокар дернулся, меня бросило на пол. Ползать на чет-вереньках стремно, но мне уже было все равно, как я выгля-

жу. Куда они меня везут? Зачем?

– Что вы хотите со мной сделать? – спросил я, цепляясь за решетку. Машина шла по узкой дороге, петлявшей между островками чахлой зелени, и резко поворачивала то вправо, то влево.

– Не мы хотим! – фыркнул водитель. – Ты сам мечтаешь о срочной чип-модификации.

Я глянул на него, как на сумасшедшего. Сбоку было видно – глаза закрыты, только головой покачивает. Налево наклонит – машину бросит влево, вправо кивнет – мне придется цепляться за решетку, чтобы не повалиться на пол.

– Я мечтаю, чтобы вы остановили машину! – сказал я ему твердо.

– Seriously? – переспросил он.

– Seriously.

– Вот оно как, – протянул он и повернул ко мне голову.

Я еле на ногах устоял.

– М-мать! – выругался чипанутый водитель. – Из-за тебя чуть в столб не вмазал! Не мешай, а то привезу три трупа, а трупы не чипуют. И мечта не исполнится.

– Какая мечта?

– Да твоя же, которая в договоре, черным по белому.

– Не подписывал я никакой договор, – сказал я не очень уверенно, потому что кое-что уже понял. От понимания у меня затряслись поджилки и пересохло во рту.

– Ну, как же не подписывал? У нас с этим четко. Если со-

мневаешься, можешь после операции посмотреть протокол твоей беседы с промоутером.

– Я ее мозг видал! Вашей промоу... шлюхи оранжевой! – обозлился я, припомнив, как она меня обмишулила.

– Это она тебя видала. Прямо в... ха-ха! В твой глупый мозг, – хохотнул водитель и даже башкой закрутил от удовольствия. На этот раз я не устоял на коленях. Когда этот горе-водитель выравнивал машину, он попросил:

– Заткни оральное отверстие. В тоннель въезжаем.

И тут же спереди надвинулась тьма, она слизнула зеленую пену кустов и стволы деревьев, мелькавшие по обе стороны дороги. Синеватое сияние Нижнего Города померкло. Некоторое время я не видел вообще ничего. Ехать в крошечной темноте – удовольствие ниже среднего, если знаешь, что машину ведет нуб, который и радар-то включить с первой попытки не может. Я судорожно цеплялся за решетку, ожидая, что следующий поворот окажется последним. Мало-помалу глаза привыкли к темноте. Приборная панель едва светилась, во мраке проступили контуры головы того санитаря, который принял на себя заряд парализатора. Вскоре я смог различить даже косицу антенны, по-прежнему торчащую в грузовой отсек. Не знаю, что на меня опять нашло, но я стал выкручивать ее из фидера. И выкрутил. С полминуты ощупывал упругую колбаску, потом меня передернуло – мерзость какая! – и я бросил антенну на пол. Ничего не случилось. Нулевой результат. Парализованный санитар валялся брев-

но бревном и только головой пошевеливал на поворотах.

Я глянул на водителя. Тот откинулся в кресле и тоже упер затылок в решетку. «Чего у них сидушки без подголовников?» – спросил я себя. И сам себе ответил: «Это чтобы антенна не мешала». Косица водителя торчала между прутьями, как хобот слона. Клянусь, я начал ее отвинчивать без всякой цели, никакого плана у меня не было. Просто хотелось учинить какую-нибудь пакость, и этим выразить протест. Когда антенна оказалась у меня в руках, я подумал: неплохо бы позлить чипанутого, чтобы заставить его остановить машину и открыть двери, но мысль была мимолетной, лавина событий смела ее в один момент.

– Я ничего не... – растерянно проговорил водитель и пригнул голову, как будто пытался рассмотреть что-то на приборной панели. «Фа-а! Фа-а! Фа-а!» – отозвалась панель и замигала красной лампочкой. Меня потащило влево; пришлось снова вцепиться в решетку, я вгляделся во тьму, и в ту же секунду она нанесла удар.

Меня бросило на решетку, выворачивая пальцы, ударило, хлестнуло по лицу мелким стеклянным крошечком, потом оторвало от прутьев, но миг спустя снова швырнуло на них спиной. Дыхание отшибло; разевая рот, как выброшенная на берег рыба, я попытался нащупать, за что схватиться, но меня бросило плашмя на жесткое и я потерял сознание.

Первое, что увидел, придя в себя, – заднюю дверь электрокара, висящую криво, на одной петле. Странно она вы-

глядела, я даже сначала не понял, в чем дело, но, ощупав жесткое и холодное под собой, сообразил, что машина лежит на боку. Второй двери просто не было, в проеме – что-то серое, освещенное рассеянным светом. Обнаружив, что меня больше не швыряет как попало, я стал на четвереньки и выполз наружу. Уже поднимаясь на ноги (правая болела в колене), заметил, что в ушах звенит и поэтому ничего не слышно. Я выпрямился и помотал головой, чтобы вытрясти звон, но все вокруг поплыло и перекошилось. Думаю, на этот раз я не упал, но то, как очутился по другую сторону от искореженной машины, вывалилось из памяти напрочь.

Помню смятую в морщинистый блин автомобильную морду метрах в десяти, припоминаю, как сидел, опираясь на кулаки и бессмысленно пялился на проносящиеся мимо электрокары, ни дать ни взять – лузер, стративший на первом круге «Death Car». Потом появился звук. Что-то гнусно завывало в недрах разбитого фургона. Когда очередная машина выпрыгивала из тьмы, в лицо било воздухом, и на мгновение рев и свист шин перекрывал остальные звуки. Разбитые в кровь костяшки пальцев болели, я сел ровнее и попытался понять, что за неудобная штука зажата в моей левой руке. Это была антенна. Так и не выпустил ее, пока меня болтало как шарик в погремушке.

Я вскочил на ноги, собираясь броситься к машине, но когда увидел еще раз задранный кверху мятый металл в том месте, где раньше было лобовое стекло, понял – там два тру-

па.

Стыдно вспоминать, что со мной случилось дальше. Будь на то моя воля, и сам бы забыл, и вам не стал бы рассказывать, но раз уж решил – начистоту, нечего пальцы в ботинках поджимать. Два трупa, понимаете?! И виноват в этом я, как ни изворачивайся. В моих руках дурацкая антенна.

Правда, когда я оглядел свои руки еще раз, антенны у меня уже не было, выбросил, должно быть. Так она и осталась валяться на бетонке; потом, наверное, аварийщики подобрали, когда разгребали это дерьмо. Я слышал за спиной их сирену, выбираясь из тоннеля. Шел, хромая на правую ногу, и бормотал всякую чушь:

– «Death Car», капсула смерти. Два трупa, а обещали привезти три. Обезьянка потерялась. Антенну сперла...

Это показалось мне смешным, сами понимаете, был не в себе. Послушал я свой сиплый хохот и вот тогда-то глянул на руку еще раз. Нет антенны. Я оглянулся. Какие-то огни, и воеет сирена.

– Сперла и потеряла, – сообщил я огням. – И сама потерялась. Была, и нету.

Сделав это ценное заявление, я снова посмеялся и ускори́л шаг, почти побежал, подволакивая ногу. Свет впереди становился все ярче, больше не нужно было придерживать-ся за слизкую стену, я обтер пальцы об штаны и провел по мокрому лицу рукой. И удивился безмерно – ладонь стала красной и липкой, а по лбу и щеке тирануло, словно бы не

рука у меня, а железная щетка.

— Мордой в битое стекло, — сказал я громко. — Всех, кто не знает слова «конституция», мордой в битое стекло. Сами виноваты. Ловить в сортире!.. Сиськи... Всем скручу антенны!

Тоннель неожиданно кончился, я ненадолго ослеп от яркого света, некоторое время еще брел, ощупывая шершавое ограждение левой рукой, и нес вслух несусветную герцовню, но вскоре в синем ровном сиянии проступили контуры домов, и я увидел выползшее из-под земли шоссе и шарики древесных крон над живой изгородью. Ну что необычного может быть в городском квартале, рассеченном скоростным шоссе? Не сразу я понял, почему он был похож на декорацию. Колонны. Кто не видел — не поймет. Низкое небо города поддерживали ряды колонн; стрела шоссе не вонзалась в горизонт, а растворялась в мутной сиреневой дымке. Я сам был рыбой, а колонны — якорными канатами гигантского плота, слишком неповоротливого, чтобы качаться на волнах.

Встречные шарахались от меня с рыбьим проворством, очень скоро я понял, в чем дело. Они не были чип-модифицированы. Обычные граждане, спешащие по своим делам с открытыми глазами, не чистокровные причем. Понятно, вид мой не вызывал доверия: физиономия в крови, руки и рубашка тоже, штаны разодраны на коленях, да и поведение мое к общению не располагало. После десятка тысяч лысых голов обычные человеческие хаера представлялись мне дикивинными, и я пристально рассматривал головы встречных.

Если прибавить к этому приобретенную после аварии манеру громко разговаривать вслух с самим собой, получится картина под названием «Маньяк на утренней прогулке». Потому они и пугались, особенно девушки. Я терпеть не могу, когда кто-нибудь начинает рассказывать, что он там думает, хочешь ты его слушать или нет. Папик мой такой фигней всегда страдал, особенно за рулем. Песни пел, рассуждал, даже придумывал на ходу дурацкие стишки. Вот не думал, что эта блажь ко мне пристанет тоже. Оказалось, заразное это дело. Скоро до меня дошло: если не хочу, чтобы кто-нибудь из особо нервных вызвал полицию, нужно свернуть туда, где не таклюдно, держаться ближе к витринам и не торговать таблом направо и налево. Боковой проезд подвернулся тут же. Я свернул туда, прошел под растяжкой с вездесущим слоганом «Oil Over The World» и оказался на малолюдной торговой улочке, похожей на разрез в многослойном торте. Держаться ближе к витринам получилось само собой, тротуары там были шириной в полшага. И, хоть кое-кто из редких прохожих, заметив случайно мою образину, спешил перейти на другую сторону, дело пошло лучше.

– Е-бар «Лукоморье», – громко читал я надпись на витрине. – А посмотришь, так лучше б назвали мухоморьем. В е-баре нашем мухоморы, каких не сыщешь под забором. Самые забористые мухоморы в Нижнем Городе.

– Агентство по трудоустройству «Панель», – прочел я, пройдя еще несколько шагов. – Это интересно. Чего? Требу-

ются рабочие строительных специальностей. Нет, мы только ломать умеем, строить – это не к нам.

– Ресторан «Пир духа», – написано было на следующей броской вывеске красными светящимися буквами по серой стене, но заходить я не стал, потому что объявление на двери предупреждало: «Обслуживаются только чип-модифицированные граждане».

Я миновал японский ресторан «Палочки», салон красоты «Гея», ателье афрокожи «Нефертитьки», закрытый на реконструкцию магазин детских игрушек «Лошарик», облупленная вывеска которого призывала «играть в реале», и салон программного обеспечения «Е-бизнес Нью». Молодой человек, нанесенный на стекло нанодиодным способом, совал прохожим огромную коробку с дистрибутивом и подмигивал. У рта его парило небольшое облачко с короткой надписью «На!». «Е-бизнес, – было сказано в пояснении, – реальные деньги в виртуальном мире».

Не знаю, куда и зачем я шел. По правде говоря, больше всего мне была нужна частная клиника, где бы обслужили в кредит по пальпатору, но на двери единственного в этом роде заведения под названием «I-bolit» висело объявление, что кастрация питомцев производится только по предварительной записи, а чип-модификация и вовсе временно приостановлена. Я не рискнул туда войти.

От рекламы рябило в глазах, хромал я все сильнее, но что-то гнало меня вперед, подальше от того места, где осталась

разбитая машина.

– Юридическая консультация, – читал я уже не вслух, а едва шевеля губами. – Защита от хака. Обновление прошивки в соответствии с последней редакцией Закона о защите информации. Прокачай чип...

– Эй, псих! – окликнули меня сзади. Я почему-то сразу понял, что позвали именно меня, и обернулся. Какой-то заморыш в джинсовом костюме, рассеявшийся на единственной ступени у двери юридической конторы, рассматривал меня с неопределенной улыбкой. Проходя, я не заметил его, потому что смотрел вверх, на вывеску.

– Не треб... – начал он, поднимаясь.

«Он знает мою фамилию!» – алярмом зазвенело у меня в голове, я резко развернулся и кинулся прочь, припадая на правую ногу. «Уже объявили в розыск?» – спрашивал я себя.

– Стой! – кричали сзади.

«Догонит», – подумал я обреченно.

– Да стой же ты, ненормальный! – услышал я совсем близко. – Я только хотел спросить, не требуется ли тебе помощь!

– Фу-у-уф! – передохнул я, останавливаясь. Что-что, а помощь мне определенно требовалась.

Глава третья

Он ввел меня в свою контору молча, пропустил вперед, а сам приостановился на пороге и огляделся, как будто за ним гнались. Теперь я знаю, это была привычка, от которой он так и не смог себя отучить, но тогда, глядя, как он зыркает направо и налево, вытягивая шею по-птичьи, – и это на пороге собственного офиса! – я решил, что у юридической конторы проблемы покруче моих.

– Кэтчер, – представился он после того, как закрыл дверь на ключ. Нет, правда, в двери был старинный механический замок, мне такой раньше только в реал-видео встречался. Сто процентов, вид у меня был обалделый, потому он улыбнулся, глядя на меня сверху вниз, когда протянул руку – знакомиться. Попутно я отметил: заморышем он только кажется из-за невероятной худобы и сутулости. Называть себя мне не очень хотелось, потому, протягивая руку, я спросил:

– Кэтчер это фамилия? А имя?

– Просто Кэтчер, – ответил он, улыбаясь еще шире. – Это ник. Я айдиот.

Улыбка у него была такая... Словом, мои подозрения растворились в ней, как глюкер в стакане с горячим тэ-дринк. Я подумал: впервые вижу человека, который с улыбкой называет себя айдиотом. Если тебя зачали без папы и мамы в концепторе и вырастили в инкубаторе, а вместо человеческого

имени у тебя айди, радоваться нечему, я считаю. Но, как ни странно, тогда его признание окончательно убедило меня – нечего бояться Кэтчера, он не сдаст.

– Меня зовут Андре... – начал я.

– Тебе бы сначала подправить текстуру, – прервал он.

– Чего?

– Царапины промой. Пойдем, я дам тебе регена, кажется, у меня остался еще.

В конторе Кэтчера имелась ванная комната. По правде говоря, его офис больше походил на разросшуюся квартиру; думаю, он и жил прямо там.

Пока я вертелся под душем, шипя от боли, хозяин юридической конторы домашнего типа бубнил за дверью, но разобрать слова я смог, только когда стал поливать свои ссадины регеном.

– ...поэтому, – говорил он, – я никогда не спрашиваю, что за душой у клиента, слышишь, Андрэ? Все разъяснится в процессе.

– Слышу, – отозвался я, а сам подумал: «Ник Андрэ мне не подходит. Лучше уж Эндрю или просто Дрю».

– Халат в шкафу, – сообщил Кэтчер. – Регена не жалеи. Я жду тебя в кабинете.

Я и не жалел. Кожа от него натянулась как нанокомбик на заднице у Игэр Триэкс. Поразмыслив, я не стал надевать испачканную кровищей рваную рубашку и напялил халат. Какого герца жаться, если сам предлагает, может, он не выно-

сит вида крови.

Рожа моя после регена выглядела нормально, по крайней мере, казалась пристойной, если рассматривать ее в запотевшем зеркале, и я направился, куда пригласили, – в кабинет.

Там было дымно. Сначала я решил, что Кэтчер сжигает какие-то документы, но потом заметил в его руке белую дымящую палочку и почуял запах. У меня не слишком здорово с чутьем, но этот запах я узнать могу. Вы поняли, что это за штука была? Сигарета. Не будь мой отец эстетом, я мог и не знать, что это такое. Богато жить не запретишь; если хочется переводить дикие бабки на дым и пепел, что тут поделаешь? «Лучше бы купил себе человеческий фантомайзер», – подумал я, кивая. Кэтчер скрючился перед развалиной, в которой я с большим трудом узнал старючий скрин, еще плоский. Музейная редкость, девятнадцатый век, или когда их там делали? В скул-видео по истории науки за таким сидел старик Эйнштейн, только у Кэтчера скрин был побольше раза в три.

– Присаживайся, – сказал он, уткнувшись носом в экран своего электронного хлама, и указал сигаретой в сторону кресла. Кончик сигареты оставил в воздухе кольцо дыма, оно поплыло к потолку, лениво извиваясь. Я сел. Понаблюдав немного за действиями хозяина офиса, понял, что скрин у него вместо терминала Сети.

– Ну-с, сначала формальности, – объявил он, придвинув мне панель пальпатора.

– Много сдерете? – спросил я мрачно.

– Хороший вопрос, – отозвался без улыбки Кэтчер. – Пока ничего, а дальше посмотрим. Я же еще не знаю, какая сме-на тренда занесла тебя в наш квартал и где ты достал такую маску. Дай пальчики, надо заглянуть в твое счастливое прошлое.

Я потрогал щеку – онемела и действительно была похожа на маску, – подумал, что без акцепта этот тип все равно не сможет снять бабки со счета, и приложил пятерню к пластине сканера.

– Вот теперь мы знаем, что тебя... – начал Кэтчер, но тут же перебил себя: – Господи!

– Что?! – Я испугался не на шутку, увидев, как вытянулась его и без того длинная физиономия. «Клик за два, меня уже объявили в розыск!»

– Ничего, если не считать мелочи. Тебя нет, парень.

– Т-то есть как?

– Да так. Нет и все. И не было. Сам посмотри.

Он отодвинулся от экрана, уступая мне место, но сделал это зря, в логах Системы я тогда разбирался не лучше, чем в е-тайском языке, а базы данных в табличном виде и теперь на глаз воспринимать не умею. Заметив это, Кэтчер стал объяснять, рисуя у экрана сигаретой дымные узоры:

– Смотри, вот здесь я скормил Системе твои пальчики. Не дергайся, я в одностороннем режиме. Видишь, дуплекс-флаг сброшен? А вот она мне ответила, что пальчики не идентифицируются, и предложила проверить пальпатор. Это уже

после того, как догги поискал в «аду». Среди мертвых максимальное совпадение – видишь? – шестьдесят три с мелочью процента. А отпечатки эти с какого-то джепа сняли двенадцать лет назад, когда он откинул копыта в возрасте семидесяти лет. Это не ты был?

– Нет, – машинально ответил я, разглядывая таблицу с данными мертвого японца. Потом до меня дошло.

– Так что же, я теперь и бабки со счета снять не могу?

Кэтчер глянул на меня, как на умственно задвинутого, и спросил с большим удивлением:

– Это все, что тебя беспокоит? Ты не понял? Кто-то стер тебя из базы ко всем чертям; тебя теперь нет вообще, а ты – бабки... Бабки как раз... Сейчас, погоди, я прикину. Опердень еще открыт. В глобальной Системе тебя уже нет, а вот банк, пока не синхронизирует базу клиентов с глобалом, будет выдавать по пальпатору...

Я его не слушал. Голова соображала туго, поэтому не сразу понял, что значит «меня нет». С одной стороны, здорово, что в розыск меня объявить не смогут, а с другой... Встретится замок с пальпатором, и привет. Попался. Поймают, как тогда в сортире. Домой не уехать – не везде же турникеты, только на заштатных станциях. Повсюду двери с дактилосканерами. Полезешь – привет. Опять попался. Налокотник... Я на автомате потянулся к рукаву халата, но вспомнил, что рубашку бросил в ванной. Все равно от налокотника толку не будет, если меня нет в глобале. Кто-то помог мне сбежать

от Системы, да так удачно! Теперь если предки попробуют со мной связаться, им вместо месаги «абонент недоступен» вывалят «абонент не существует». Как же Салли...

– Какая Салли? – переспросил Кэтчер. Оказывается, я выкладывал вслух все, что думаю, не замечая того.

– Салли Энн, – говорю. – Мы должны были встретиться сегодня в гипермаркете в десять утра. Теперь если она...

– Салли Энн... – проговорил задумчиво Кэтчер. – Я так и подумал почему-то, когда тебя на улице увидел. Вот, думал я, идет еще один чужак с таблом разбитым; как пить дать, не обошлось без Салли Энн. Девочка-мечта. Саллиэн-алиэн.

– Ты знаешь Салли Энн?

– Кто ж ее не знает? Впрочем, пардон. Ты же естет.

– Так же, как и ты, – буркнул я. Мне не понравился его тон.

– Я это я. Потому и знаю то, что знает каждый чип-модифицированный гражданин нашей прекрасной страны.

– Что же? – спросил я с вызовом. Храбрился, чтобы заглушить мерзкое предчувствие. Все оказалось еще гнуснее, чем я мог представить. Кэтчер пощелкал клавиатурой дореволюционного терминала, и на экране появилась Салли, только не в комбике из нанокоси, а в смешном олдвом прикиде. Кажется, такая одежда раньше называлась платьем. Если вы смотрели древние плоские видео, вы знаете, о чем речь. Мне всегда казалось, что женщины в платьях похожи на воланчики для бадминтона. Но, хоть коса у той девушки на фотке и

не была черненной, я готов поклясться, что это именно Салли.

– Так она выглядела пятнадцать лет назад, – нарушил недолгое молчание Кэтчер. – За месяц до смерти.

«До смерти она выглядела не хуже, чем после», – проговорил в моей голове тот ехидный малый, который иногда норовит глупо схохмить, когда вам меньше всего хочется смеяться. Это ошибка, думал я. Мы вчера встречались. После вирта болтали с полчаса. Утром от нее пришло сообщение.

– Никакой ошибки нет, – кивая, как дроид-официант, проговорил Кэтчер. Значит, я опять размышлял вслух.

– Ты вчера встречался с призраком, – продолжил он, – а утром получил от него сообщение. Что же касается вирта... Ладно-ладно, успокойся, мальчик, не кипятись. Отец у тебя есть? Отрадно слышать. Так вот, у твоего отца тоже не очень-то много шансов было стать для нее первым. Она была порнозвездой. После чип-модификации... Не дергайся, сиди спокойно. Она зачиповалась в числе первых. Тогда это было модно и дорого. А через месяц погибла от передоза. Был скандал. Продюсер перед тем, как она умерла, вытянул у нее соглашение о передаче прав на образ; подозревали, что он же сам и подсадил ее на полиморфеус, а потом хакнул. В защите старых чипов было полно дыр, сейчас с этим все же лучше. Скандал рассосался сам собой, и Салли вернулась в порно посмертно, только не в обычное, плоское, а в чипорно. На порниках с ее участием целое поколение выросло, мало найдется чипованных парней моего возраста, кто ни разу с

ней не...

– Перестань! – Я не мог слушать спокойно. – Даже если это правда, ты не имеешь права трепать в реале... Стой! Я встречался с ней в реале!

– С кем?

– С моей Салли!

Я не мог больше держать язык за зубами; выложил все с самого начала, точно как вам, только не так подробно. Как увидел ее в вокзальном е-баре, как искал в Сети, как нашел и как мы договорились встретиться в Городе, чтобы жить вместе. Кэтчер не перебивал, кивал только изредка, но лицо у него было грустное.

– Что? – не выдержал я, прервавшись на полуслове. Вот тут-то и узнал самую главную гнусность.

– На вокзале ты встретил какую-то девушку, которая хотела быть похожей на Салли Энн. Таких среди эстеток пруд пруди: посмотрят паленого чипорева, потом пытаются воплотить в жизнь. Думают, их ужимки подействуют на какого-нибудь дремучего провинциала с бабками. Извини, я не хотел.

– А как же...

– Дальше было вот что, – жестко прервал он, – ты начал искать по Системе и Система дала тебе то, что ты искал.

– Ты говоришь, мало есть придурков, которые с ней не виртовали, – процедил я сквозь зубы. – Почему тогда я сам, когда шарился по порнопорталам, никогда ее не видел?

Я покраснел до макушки, как стартовый светофор в «Death Car». Нелегко признаться случайному знакомому, что до встречи с моей Салли мне случалось-таки иногда смотреть порно.

– Ты естет, мальчик, и смотрел лицензионные реалы. А Салли теперь играет только в чип-видео. Пиратам, правда, все равно, чип или не чип. Из реал-видео сделать чип-поток нельзя, в обратную сторону – без проблем. Та красotka, которую ты встретил на вокзале, как раз контрафака и насмотрелась. А может быть, ей бодизайнер навешал лапши, что специально для нее разработал образ, а сам незамысловато спер.

Должно быть, выглядел я паршиво, раздумывая над этими «приятными» новостями, и Кэтчер участливо спросил:

– Как тебя звали до того, как тебя не стало? Андрэ?

– Андрей Нетребко, – ответил я. Уже незачем было скрывать от него имя, понимаете? Показалось даже приятным представиться, чтоб он знал – перед ним не какой-нибудь айдиот без рода и племени.

– Ан-дрей Не-треб-ко, – бурчал он, тарахтя клавиатурой. – Был нетребкой, стал невестребкой. Попробуем восстановить, может, разберемся, что к чему и почему. Фас, догги... Что я вижу!

– Что? – спросил я, не обращая внимания на дурацкую шутку о невестребке, и глянул на экран. Какие-то строки.

Нетребко> обнаружен;

08212031:654:01:13 watchdog: вызов supervisor
выполнен;

08212031:654:02:18 supervisor: установка режима
invisible выполнена;

08212031:654:02:18 supervisor: вызван constructor,
Image=SN...

– Тебя вели. Знакомая картина. Салли-червячок вел тебя, нетребку. Смотри, вот он перехватил инфопоток с камер, загрузил своих резидентов в Систему и стал следить, чтоб ты не сбился с пути. Что с тобой случилось в семь-десять утра?

– В семь... Когда в монорельс сел? Старик ко мне прицепился.

Я рассказал о вредном старикане, не понимая, при чем здесь он.

– Дед-наркод? – переспросил Кэтчер. – Ошибаешься. Никакой он не наркод, скорее всего. Его просто убрали с дороги, чтобы пресечь коллизию. Мне уже приходилось встречать такие штучки. Вот, видишь эти три строки в логе?

– Убрали? Кто?

– Ребята, которые тебя вели. А может быть, не ребята, а просто... В последнее время червячки обнаглели, мне кажется, ими уже не управляет никто. Чего от тебя хотели?

– Я н-незнаю, – ошеломленно выдавил я, припоминая странные утренние события. Дед-наркод. Потом странный парнишка в кепке. Надпись на табло, как будто специально

для меня – с указателем. Супермаркет. Туалет-ловушка.

– Вот, нашел! – торжественно объявил Кэтчер. – Где тебя поймали?

– В туалете, – буркнул я.

– Стоп. А вот это уже непонятно.

Я покосился на него. Нет, не место поимки так его удивило. Кэтчер таращился на экран и моего ответа, похоже, попросту не расслышал. Я глянул на выделенные строки протокола, но ничего не понял. Откуда мне знать, что такое «вызов clear.db...» и дальше моя фамилия? Вызов простецкого дебила Андрея Нетребко? Говорю же, в языках не силен.

– И на старуху бывает проруха, – шептал Кэтчер. – Червячок в червячке.

– Не понимаю.

– Я тоже, – успокоил меня он. – Червячок Салли заражен. В тот момент, когда тебя поймали, поднял головку еще один worm. Перехватил управление и вытер тебя из базы. Те, которые тебя вели, после этого не смогли бы снять деньги с твоего счета.

– А они хотели?

Я чемпион по дурацким вопросам, так что не удивляйтесь. Кэтчер, к примеру, не удивился. Попросту рассказал, что со мной хотели сделать. Чипануть и отобрать бабки, потом посадить на е-дурь и заставить делать то, что нужно им. Только я не понял, кому это – «им», и тут же спросил об этом. Зря смеетесь, на Кэтчера я к этому времени смотрел,

как на гуру. Интересно, как вы вели бы себя на моем месте.

Кэтчера мой вопрос вывел из равновесия.

– Не знаю, кто, – огрызнулся он. – Я же тебе говорил уже. Подозреваю, что не «кто», а «что». Система заражена снизу доверху, червяк на червяке. Что было дальше?

Ну, вы-то уже знаете о договоре. И что было после его подписания – тоже. Узнал и Кэтчер.

– Санитары? – переспросил он. – Какие к черту санитары! Ты таким же стал бы после чиповки. Плохи твои дела, Андрэ. Мне приходилось видеть подобные договоры. Они могут теперь чиповать тебя в любой момент, если поймают. В глобале тебя нет, но в их локальной базе кое-что о тебе могло остаться.

– Не называй меня Андрэ, – отругнулся я, с тоской спрашивая себя самого: «Что же делать?»

– Добро, не буду. Как же тебя называть, мистер Икс?

– Что мне делать, Кэтчер? – спросил я вместо ответа. Кэтчер молчал.

За окном кабинета шевелились бесформенные тени, будто кто-то пытался заглянуть внутрь. «Кусты всего лишь», – подумалось мне. Отвлекся буквально на пару секунд; когда снова глянул на хозяина юридической конторы, тот сидел, откинувшись на спинку кресла, и на меня глядел с прищуром. Правой рукой он прикрывал нижнюю часть лица, словно придерживал слова, готовые сорваться с губ, или пытался скрыть улыбку.

– Что делать? – повторил я.

– Чиповаться, – был ответ. Моя реакция не удивила Кэтчера, он поспешил успокоить: – Чего ты вскинулся? Я не собираюсь повалить тебя на пол, проковырять твой череп отверткой и всунуть в дырку чип. Приходилось тебе слышать о симульчипах?

– Нет, – ответил я, усаживаясь. Я не врал, даже слова такого до той поры не слышал. Он стал рассказывать. Мне такое в страшном сне не снилось, что я от него узнал. Оказывается, вокруг мертвых чипанутых айдиотов крутится банда стервятников, которые только тем и заняты, что снимают с трупов чипы. Это незаконно в полный рост, но они как-то так устроились, что Система их не замечает. Казалось бы, какой прок воровать чипы, если чипуют бесплатно?

– Бесплатно, если в голову вставлять, – рассказывал Кэтчер. – Эти отдают на руки. Зачем? Представь: штукавина, которая к тебе попадает, – почти человек. На его имя можно открыть счет в банке, зарегистрировать бизнес, управлять фирмой от его имени. «Оно» может перемещаться по Городу, открывать двери...

– Как? – спросил я, поборов отвращение. – Тела-то нет.

– Во-первых, не всегда оно теперь нужно – тело. Замки можно и через Сеть открывать. Во-вторых, у тебя-то ведь тело есть. Если нужно для дела, цепляешь в базе данных Системы свою радужку или отпечатки пальцев к симульчипу и вперед. Делаешь ты, отвечает хозяин симульчипа. Мертвец.

– Как же Система перед ним двери открывает, если он мертвец?

– Забыл сказать, – Кэтчер хмыкнул. – Смерть айдиота не регистрируется. Для Системы он жив-здоров. Это тоже денег стоит, но и симульчипами они торгуют не в убыток себе. Кроме того, к симульчипу еще нужен мозг-эмулятор.

Тут Кэтчер заметил на лице потенциального клиента неуверенность (сказать честно, я никак не мог переварить новости), но истолковал неправильно и бросился спасать положение. Это не так дорого, убеждал он, мозг-эмулятор нужно купить всего один раз, а чипы в нем сменные. Если клиент покупает у него, Кэтчера, мозг, первый симульчип получает бесплатно. Ничего противозаконного в перепродаже мозга нет, а симульчип вообще с юридической точки зрения продаже не подлежит. Он и не продается. Контора оказывает уважаемому клиенту консультационные услуги. Какие? Очень хороший вопрос. Оказывает услуги по защите информации. Естественно, все законно, вот и патент есть, можно ознакомиться. Фирма существует уже более трех лет, ни одного случая...

– Кэтчер, у меня же нет денег, – прервал я его. Терпеть не могу, когда мне пытаются что-то втюхать.

На миг мне показалось, что представление подошло к концу и меня сейчас просто выставят за дверь. Потом Кэтчер овладел собой. Нет денег? Это еще почему? Не все еще потеряно, мальчик, убеждал он. Стерли из базы? Подумаешь,

проблема. Юридическая фирма Кэтчера и не такое видала. Опердень еще не закончен, если написать ваучер на айди владельца симульчипа, послать запрос на учет ваучера в банк, а потом отправить акцепт с пальпатора, все деньги окажутся на счету симуличности. Фирма согласна действовать на свой страх и риск, а комиссионные и плату за мозг-эмулятор получить по факту передачи означенного мозга клиенту. Все совершенно законно, вот патент, фирма существует больше трех лет, и...

Минут через пять он выдохся. Расстрелял весь боезапас. Мы посидели еще с минуту, глядя друг на друга через стол. Должен сказать, ореол гуру вокруг затылка головы хозяина заведения несколько потускнел в моих глазах. «Жулик ведь, – думал я, глядя ему прямо в глаза. – Но что делать? Если откажусь, вдруг он сдаст меня Системе?»

– Ладно, – сказал я. – Валяй. Пиши ваучер.

Оказалось, все уже готово. Кэтчер дал мне подмахнуть комиссионный договор размером в три строки, мигом вбил в стандартную форму банковские реквизиты Андрея Нетребко, сбегал в соседнюю комнату и вернулся с двумя коробками. В одной оказался девайс, похожий на обычный налокотник, только не флэкс, как я люблю, а хард, вроде полицейских. Вторая коробка тарахтела так, будто в ней были семена овощей.

– Семена, – сказал Кэтчер, словно мысли мои прочел, и еще раз потряс коробкой. Потом открыл ее и положил передо

мною на стол.

– Выбирай, кем будешь.

Меня чуть прямо в коробку не стошнило, когда понял, что это. Чипы. Без обвязки, волноводов и фидеров, конечно, одни камешки. Я представил, как их выковыривали из мозгов мертвых айдиотов, и чуть не облевал Кэтчеру всю его лекцию.

– Выбери сам, – говорю.

– Как знаешь. В общем-то, разницы между ними нет. Я каждого пробиваю по базе, никакого криминала ни за кем из них не числится. Мне однажды пытались сунуть педофила, но...

Покосившись на меня, он осекся, пошарил длинным пальцем в кучке «семян», выбрал одно из них и стал возиться с эмулятором – совать в него симульчип.

– Нужно придумать ник, – сказал он, врубая налокотник.

– Эндрю, – ответил я, не задумываясь.

– Эндрю нарекаю тебя, – торжественно проговорил Кэтчер, трогая пальцами экран налокотника. – Иди и не греш.

Потом он пустил меня за свой терминал, сам стал за спиной и принялся давать указания. Мы с ним зашли в мой банк, обнаружили там запрос на погашение ваучера и проверили, не заблокирован ли счет.

– Все в порядке. Подтверждай, – торопил Кэтчер и подсовывал мне дактилосканер. Я оглянулся.

– Чего ты ждешь? Что еще? – удивился он. Потом вижу –

понял. Дошло до него, что я перестал ему верить.

– Думаешь, я тебя обуть пытаюсь, – проговорил он с неопределенной улыбкой. – Если бы хотел, давно бы уже обул. Таких, как ты, одни стригут, другие режут. Я стригу. И шерсти с вас, прямо скажем, едва хватает свести концы с концами.

Живость, с которой этот парикмахер убалтывал меня стричься, куда-то делась, улыбка Кэтчера теперь казалась жалкой.

– К чему тогда тебе со мной возиться? – спросил я. – Зачем ты этим занимаешься?

– Отдаю долги, – ответил он и отвернулся. Я правильно понял его слова гораздо позже, но тогда он все-таки добился того, чего хотел. Я приложил ладонь к пальпатору, и деньги Андрея Нетребко ушли на счет айдиота, зарегистрированного в Системе под ником Эндрю.

– Не боишься, что тебя найдут по транзакции? – спросил я, указав на экран его древнего терминала.

Кэтчер хихикнул.

– Эндрю, мальчик, – проговорил он с надутым видом. – Думаешь, почему у меня дореволюционный терминал? Потому что почти не оставляет следов в Системе. А те, что все-таки оставляет, ведут туда, куда я сам укажу. Я вообще люблю старье. Видел у меня в двери замок? Механика. Двадцатый век. Кучу денег на него ухлопал, зато никому не под силу хакнуть мою контору. Мой дом – моя крепость, как ска-

зал Наф-Наф, запирая дверь двойным поворотом ключа. Ты знаешь, кто такой Наф-Наф?

– Нах-Нах? – переспросил я, пытаюсь понять, к чему он клонит. – Нет, такого не знаю. Он кореец? Реалист?

Кэтчер смеялся. Я никогда раньше не видел, чтобы так рьяно и беззвучно ржали. Вытерев слезы, он выговорил с трудом:

– О-ох... Кореец! Нет, он не кореец, а истый англосакс. И реалист в высшей степени, но совсем не в том смысле. Он никогда не играл в реал-видео. Ладно, мальчик, не забивай себе голову. Бабки у тебя на счету, отправь мне коммисионные и деньги за мозг.

Я осторожно взял со стола эмулятор. Чепуха, конечно, но мне казалось, что беру в руки настоящий мозг. Не поверите, так гнусно мне было, будто я сам замочил того чипанутого айдиота, чей чип теперь был в налокотнике. Прибил и забрал себе его душу. Но совесть совестью, а жить-то надо. Интерфейс симуличности отличался от обычного налокотного, но не так сильно, чтобы я не смог в два клика разобраться.

– Эй, Кэтчер! – крикнул я, заметив, что тот куда-то смылся из кабинета, пока я ковырялся в меню е-банкера. – Деньги уже зашли.

– Прекрасно, – удовлетворенно проговорил он, появляясь в двери кабинета с пакетом в руках. – Вот, держи.

– Что это?

– Рубашка. Или ты собираешься уйти в купальном халате?

Будет великовата – закатаешь рукава.

Через десять минут я брел по Четвертой Радиальной улице к центру Нижнего Города. На мне была рубашка Кэтчера с закатанными рукавами. В плечах она оказалась узковатой, но налезла, хоть и с треском. Налокотник непривычно сжимал руку, то ли потому, что хардовые налокотники вообще хуже флэксовых, то ли на меня плохо действовали мысли о чипанутом, личину которого на меня нацепил Кэтчер.

– Будут проблемы – заходи, – сказал мне он, пожимая на прощанье руку. – До свидания.

– До свидания, – сказал я в сторону, а сам подумал: «А лучше – прощай. Чипанутым буду, если мне захочется к тебе вернуться». Позже оказалось, что я ошибся, но это со мной часто случается.

Перед прощанием, он втирал мне что-то о работе, но слушал я вполуха, потому как мечтал побыстрее смыться. Запомнил только, что, если работы не найду, можно попробовать поступить в университет. У них, мол, и жилье, и жратва, и как раз вступительная кампания на носу. Универ не только потому зацепился за уши, что работать мне совсем не хотелось, была еще одна причина. Салли мне рассказывала о нем с месяц назад, и... Я понимаю, о чем вы подумали. Да, я сентиментальный дурак, и все такое прочее. Но не так-то просто моментально отказаться от привязанностей, даже если они дурацкие. Салли говорила, что университет – это реальный шанс попасть в Верхний Город. Чуть ли не каждый второй,

кто отучился, туда попадает, и после уж ему не приходится жалеть о напрасно потраченном времени. Мне не пришло в голову спросить у нее, куда девается каждый первый, – судьба каждого второго вполне меня устраивала; а после я и вообще забыл о студентах-лузерах. Я-то ведь не лузер, правда?

Короче, меня несло к центру Города, поскольку именно там и находился университет. Нет, поступать я туда не собирался, просто решил глянуть, как он выглядит в реале, и, если получится, пожрать там и устроиться на ночлег. Гостиниц я побаивался, честно говоря, и ресторанов тоже, университет совсем другое дело. Место солидное и малозаметное. Там толпы студентов, если затесаться, может, и не найдут меня эти... Ну, не знаю кто. Может быть, они уже...

08212031:1323:14:43 watchdog: объект <Андрей Нетребко> не обнаружен;

08212031:1323:14:44 watchdog: исчерпан лимит ожидания;

08212031:1323:14:45 watchdog: запросу присвоен статус permanent;

08212031:1323:14:45 watchdog: адрес возврата...

...обломились меня искать.

Мне стало не в пример лучше после того, как ушел от Кэтчера. Как ни крути, по натуре я ливер, особенно когда вижу, что остался один против клана. И нечего морщиться, жизнь – это вам не последний уровень «вздрычки». Если вас по жизни вынесли, не факт, что получится опять зайти на пер-

вый уровень под другим ником. Пока я слушал Кэтчера, мне хотелось послать все лесом, найти нычку и там залечь.

Но когда я попал на Радиальную, снова почувствовал себя человеком, а не зверьком в стрелялке. Во-первых, меня реально на хавчик пробило. Странное существо – человек. Пока сидел у Кэтчера, тошнило от одной мысли о еде, десяти минут не прошло – нате вам. Предложи мне фуды, и ту всосал бы, так жрать вдруг захотелось. А во-вторых, обнаружилось – мозг-эмулятор куда круче любого налокотника, какой мне был тогда известен. Не просто показывает, куда идти, еще и дает глянуть на Нижний глазами чипанутого! Получается что-то вроде дырки в другой мир: куда ни отправишь – поверх убогого реала видишь настоящий Город. Не синий светящийся потолок, а небо и облака, а в небе солнце, чуть ли не в зените. Не облупленная штукатурка унылых офисных громад, а кристальные грани небоскребов, в которых тоже небо и облака. Не бездарные вывески, а живые рекламные «окна» с клипами, причем те, какие не нравятся, можно загнать в нижний слой, но если вы запали на какую-нибудь тему, не обязательно останавливаться, чтобы досмотреть. Можно с собой взять, можно даже прикрепить или обоями сделать. И чипанутые на экране не такими мерзкими кажутся, как в реале, я даже сначала их за нормальных принимал, пока не понял, что это просто скины у них такие. Сообразив, что к чему, я стал смотреть по сторонам только через экран эмулятора. Жаль только, что он маленький, все-

го шесть дюймов, а то вообще кулево – идешь по Городу, как в Сети. Были бы, к примеру, в комплекте очки и наушники... Ну а так у меня скоро рука устала. Попробуйте сами побродить с полчаса с задраным кверху локтем.

Универ я нашел очень быстро. Эмулятор мозга – это круто, ничего не скажешь. Правда, тот, который мне впарил Кэтчер, не без багов оказался, особенно критично у него было с русским языком. Я так и не понял, то ли это конфликт версии симульчипа с прошивкой девайса, то ли какой другой трабл, но чтобы въехать в стандартные системные сообщения, приходилось реально напрягать мозг. Свой причем, а не эмулятор. «Превед, кросавчег!» – сказал мне навигатор сразу после входа. Пока я расчехлялся, он добавил: «Щаз, исчу спутнеги». Я подумал: тот чипанутый, симуличность которого теперь жила в эмуляторе, при жизни был нерусский, потому по умолчанию и включилась его национальная раскладка. Въезжать в месаги на чужом языке желания не было, и я стал на ходу искать в настройках русскую раскладку, но не нашел. Активным был олбанский. Такого языка я не знал вообще, поэтому решил выбрать инглиш; хоть я его тоже не очень-то знаю, но месаги прочесть смогу. Эмулятор подумал, ответил мне: «Щаз...», – потом еще подумал и выдал: «Учи олбанский, животное!» – и вывалился из меню настроек. Я попробовал еще раз с таким же результатом и обломился. Олбанский так олбанский. Универ на этом языке так и назывался «универ», я поставил метку и пошел туда, куда

указывала полупрозрачная зеленая стрелка на виртуальном тротуаре. Хотя навигатор и не нашел ни одного спутника, ему вполне хватило Сети, чтобы показывать дорогу. Стоило мне повернуть из чистого любопытства в один из круговых переулков, как стрелка указателя покраснела и поверх нее появилась надпись: «На Бабруйск». Должно быть, переулок вел к междугороднему скоростному шоссе, но мне туда не надо было, и я вернулся на Радиальную. Любопытство любопытством, а жрать хотелось очень, и я торопился попасть в университет самой короткой дорогой.

Универ выглядел нереально пафосным. Здание солидное, как замок Дракулы, со шпилем, со статуями по углам крыши, ступенчатое, устремленное ввысь. «Тру готишно. Пеши в мэм», – подсказал навигатор. Я выключил комменты и опустил руку. В реале шпиля на универе не наблюдалось, да и не мог он поместиться под перекрытием Верхнего Города. Вместо статуй по углам уступчатой крыши торчали антенны ретрансляторов, а узорной лепнины на фасаде и вовсе не было. И все равно здание давило на мозг размерами, я шел через площадь, задрав голову, и не заметил, как оказался у входа.

– Молодой человек! – услышал я вдруг. – Вы поступающий?

У меня мурашки пошли по коже, когда услышал этот голос.

– Молодой человек! Не заполните ли анкету? Нам очень важно...

Я затравленно оглянулся. Окружили. Хрупкие блондинки, точь-в-точь такие, как та, которая меня подловила у гипермаркета. Я заметался, но они были повсюду. Толпа гарпий. Обступили, хватали за руки. Позади них я разглядел ряд палаток, штук двадцать, если не больше. Кажется, я заорал от ужаса, ближние отшатнулись, но дальние напирали, протягивая ко мне когтистые руки через головы передних.

– Вы хакер или кодер? – пищали они. – Идите к нам на кодирование!

– Андрология! – басыла блондинка, возвышавшаяся над остальными, как башня. – Андрологи рулят!

Но ее теснили, крича:

– Не слушайте, это развод. У андрологов в общаге проблемы с сетью! Тестирование! Идите на тестирование!

Толпа волокла меня к палаткам, вывернуться не получалось. И тут я углядел над входом одного из шатров вывеску «Защита», улучил момент и нырнул туда. Позади взвыли, но внутрь за мной никто не сунулся. Оно и понятно – на входе два чистокожих двухметрового роста. Я нервно передохнул, прошел по матерчатому рукаву, раздвинул полы шатра, пригнулся и шагнул в полумрак. И оказался лицом к лицу с чистокожим. Более невозмутимого чистокожего я не встречал ни до, ни после. Он не шелохнулся, глаза его были закрыты. Сначала он показался мне знакомым, но спустя миг я понял – просто он похож на статую Будды из скул-видео про Индию.

– Здравствуйте, – поздоровался я, но не очень почтительно, поскольку еще не успел перевести дух после давки.

– Я не вижу тебя, – спокойно произнес человек-будда.

Еще бы он меня видел с закрытыми-то глазами. Я соби-
рался огрызнуться, но не успел.

– Значит, ты не модифицирован, – бесстрастно прогово-
рил он. – Тебе не место на факультете защиты.

Кто-то шумно вздохнул у меня за спиной, я обернулся и
встретился взглядом с одним из охранников. Должно быть,
тот протиснулся внутрь следом за мной. Уж у него-то глаза
были открыты.

– Э! Э! Ты не очень! – предупредил я его, но без толку.

– Выведите его, – не повышая голоса, попросил чело-
век-будда.

И меня позорно выставили из шатра, еще и с напутствием:

– Читать научись, деревня, – посоветовал охранник. Я по-
вернулся, кипя негодованием, но справа от входа увидел над-
пись: «Приглашаем на факультет защиты информации чип-
модифицированных граждан. Прочим вход воспрещен».

– На фиг вы мне нужны, – буркнул я, чувствуя себя про-
чим. Мимоходом подумал, что Кэтчер вот тоже не чипану-
тый, однако же защитой информации занимается в полный
рост.

На мое счастье, толпа диких блондинок отхлынула от па-
латок (они как раз обрабатывали еще одного ротозея), я
свернул за угол, прошел между шатрами и попал во второй

ряд. Там не было ни души. Мне бы плюнуть на все эти факультеты и пойти искать, где пожрать, но что-то подтолкнуло меня прогуляться вдоль ряда. Факультет андрологии. Факультет синтохимии. Факультет химернетики. Факультет тестирования. Я придержал шаг. На палатке факультета тестирования было написано крупно: «Геймеры! Сюда!» – и мне стало интересно. Не то чтобы я поведен на этом деле, но люблю его. Я тихонько подошел к палатке и сунул голову внутрь. И застыл в полном обалдении. За небольшим столиком сидела пышноволосая и пышнотелая дама, но не из-за нее на меня напал столбняк. С табурета для посетителей, как раз когда я заглянул, поднималась Салли Энн.

– ...останется только поселиться, – тоном усталого торговата бухтела полная брюнетка. Как и у человека-будды, глаза ее были закрыты.

Салли кивнула и направилась в глубь шатра. На ней был мой любимый черный комбик с застежкой-змейкой. Завитки светлых волос подрагивали при каждом шаге.

Ко мне вернулся дар речи.

– Салли! – крикнул я, но она не обернулась. У палатки, как выяснилось, был второй выход.

– Спасибо, что выбрали наш факультет, – проговорила, не открывая глаз, женщина, сидевшая за столом, не замечая, что Салли больше нет в шатре.

– Салли, подожди! – заорал я и бросился следом.

– Куда?! – остановила меня хозяйка палатки. Не ожидал

от нее такой прыти, – мигом оказалась на ногах и загородила мне дорогу.

– Мне очень нужно поговорить с той девушкой, – бормотал я, пытаюсь прорваться, но не так-то это было просто.

– С той, что была здесь? – Толстуха оказалась понятливой.

– Да. Это ведь Салли Энн?

– Нет, она поступила под другим именем.

– Под каким? – Я решил, что из толстухи можно вытащить полезную инфу, и прекратил боевые действия, тем более что они все равно не имели успеха.

– А вот этого я вам не могу сообщить, пока вы не поступите к нам.

– А она поступает?

– Та девушка, что была здесь?

– Да, – подтвердил я раздраженно. Проницательность тет-ки слегка подавляла.

– Она уже поступила. И вам я тоже рекомендую последовать ее примеру, если хотите с ней встретиться.

– Что для этого нужно? – спросил я, усаживаясь на табурет для посетителей.

Выяснилось, ничего существенного. Только мое согласие. Толстуху не смутило, что я при ней обращался к симуличности, чтобы узнать свой айди, мое прошлое ее не интересовало, даже диплом об окончании хомскул не потребовался, она просто вбила в базу, что образование у меня среднее. Единственное, что она спросила, – под каким ником меня реги-

стрировать в университетской базе.

– Эндрю, – ответил я.

Она внесла мой ник в списки студентов, и я был зачислен на факультет тестирования под симуличностью чипанутого айдиота.

– Модифицированных мы селим к модифицированным, – проговорила толстуха, глянув на меня вопросительно, будто чего-то ждала.

– Ладно-ладно, – торопил я ее. – Селите куда угодно. Ну! Теперь вы можете сказать ник Са... той девушки?

– Той, что была здесь перед вами?

– Да! – завопил я, как птероящер.

– Не кричите, я не глухая, – с достоинством ответила она. Неспешно листнула экран, провела по нему пальцем и ответила:

– Она числится у нас как Далила.

– Спасибо! – проорал я на бегу, выскочил из палатки и очутился прямо перед входом в университет. Тогда мне было невдомек, чем грозит встреча с той, которая назвалась Далилой.

Глава четвертая

Отец побрызгал из бутылочки на мясо красным. Стрельнул уголек. Я услышал ссипшее скворчание, потянул носом, но запаха не почувал.

– Сейчас, Андрюха, – проговорил он, глянул на меня исподлобья и тут же спросил взволнованно: – Андрюха?!

«Что со мной не так?» – подумал я и попробовал поднять руку. Странное ощущение, как будто меня нет.

– Андрей! Тебя нет! – бормочет отец и лезет скрюченными пальцами прямо мне в лицо. – Эндрю! Ты слышишь?

Я дернулся и вижу – не папик это вовсе, а Штуц.

– Эндрю! Ты слышишь? – не унимается Штуцер и по плечу меня похлопывает. В комнате светло. – Эндрю, ты просил растолкать тебя в семь, а уже...

– Хорош толкать, – говорю и сам слышу, паршивый у меня выговор в такую рань. – Брось толкать, Штуц, укачало уже. Чего ты бледный такой? Всю ночь убил на глядки?

Он зашипел, саданул меня в плечо напоследок, скрылся с глаз, и я услышал, как он там скрипит пружинами кровати и шуршит одеялом. Постель, значит, застилает. Хороший парень – Штуцер, хоть и чипанутый. Обидчивый только, но не злопамятный. И хорошо, что он мне достался в соседи, был бы какой-нибудь надутый хмырь вроде Лао или Бенито, не знаю, чем бы закончилось. Вернее, знаю. По морде из нас

двоих кто-нибудь схлопотал бы на второй день, вернее всего – я. Потому как Бенито конкретно здоровее меня, о Лао я даже не говорю. Без вариантов. И вообще, лучше делить комнату с нормальным чипанутым, чем с естетом, поведенным на своем естетстве.

Я поворочался, пружины подо мной щелкнули. Странная штука жизнь, думаю. Чуть больше двух месяцев назад, когда узнал, что при зачислении меня сунули в одну комнату с чипанутым, сначала собирался погрызться с комендантом общаги, но вовремя вспомнил, что сам же и согласился на это дело. Меня же тетка в приемной комиссии спрашивала, не против ли я. Не знаю, что бы она стала делать, если б я стал в позу, а так – поселила меня со Штуцером и все дела. Потом поздновато было уже поднимать хай, когда я все это осознал в полной мере. Без малого хренадцатый час ночи. Я задремывать начал, а тут...

Нет, так не пойдет. Лучше рассказать по порядку, раз уж под язык подвернулось. Первый мой день в университете состоял из одних неожиданностей. Ну, о том, как я решил стать тестером, вы уже знаете. Первым делом, оказавшись в университетском здании, стал разыскивать Далилу, но заблудился. Искать кого-нибудь в универе, если у вас нет перед глазами карты, – дохлый номер, особенно если вы попали туда в первый раз. Больше скажу, живее дело не пойдет, даже если у вас будет карта; тот, кто строил этот муравейник, в детстве переиграл в шутеры, сто процентов. Напустить в

коридоры монстров, разбросать кое-где жратву и патроны, а после раздать оружие – никакой Сети не надо. Поблуждав с часик, я окончательно слился. Сейчас-то я знаю, где был – третий этаж подвала, как раз под фудзалом, – но тогда мне казалось, так и помру, не зная, куда это меня занесло. Уже и Далилу видеть не хотелось, так задолбался. Оно и понятно – с шести утра на ногах, два часа в монорельсе, потом та история в гипермаркете, потом авария – по башке получил знатно, потом терки с Кэтчером, марш-бросок по Радиальной, поступление в универ, то-се. Короче, на ногах я еле стоял, и жрать хотелось до умопомрачения.

И тут слышу, за спиной один чипанутый другому: «Док, не пойти ли нам откусать, пока не склеилась пищеварительно-выделительная система?» – а тот ему и отвечает: «Вы правы, док, пора. Иначе могут склеиться ласты». Я обернулся. Стоят, кивают друг другу два молодых хмыря в белых халатах. Покивали, потом один другого повел под локоть к лестнице. Откусать. «Годмод!» – подумалось мне, ноги сами понесли меня следом, и, как ни странно, не вспомнил я, что эти двое – синтеты, даже когда они скрылись за дверью с табличкой «Фудзал».

Само собой, когда я попал внутрь, узнать этих двоих среди пары сотен чистокожих было уже невозможно. У всех антенны на затылках, все поголовно лысые, некоторые в халатах. И все как один сосут. Столов нет, только стулья; под потолком ряды блестящих труб, от них вниз длинные такие

гибкие шланги, чтоб, значит, сесть на стул, сунуть в рот, и вперед. И вижу я – сосут чистokoжие со вкусом, глаза закрыты, как будто не фуда в трубах, а неземное что-нибудь вроде бум-колы или даблью-спирита. А в животе у меня одна кишка другой фигу крутит. Ну и сел я на один из стульев. Потом, правда, все равно вставать пришлось, потому как на утолщении трубки было написано: «Пожалуйста, вставьте мундштук». «Ага, – думаю, – соски одноразовые – это они молодцы. Правильно придумали». Я прошвырнулся по залу, нашел у стены при входе коробку с этими самыми мундштуками, плюхнулся на стул и вставил мундштук в трубку. Больше ничего хитрого в конструкции девайса не было. Соска одна, крутилка, чтоб пустить фуду, тоже одна. Я огляделся еще раз. Мужик на стуле прямо напротив меня очень отчетливо всасывал, одухотворенно, словно бы на саксе играл. Мне вспомнилось, как отец однажды рассказывал, мол, фуда для организма самое то. Мол, вещества питательные в ней и витамины-шмитамины всякие, какие только бывают. Ладно, думаю, организмы у всех одинаковые, что у чипанутых, что у нормальных парней, попробуем, какие в фуде витамины. Сунул мундштук в рот и крутанул кран.

Голод не тетка. Я и после того случая не раз убеждался, что он стабильно завешивает мозги в ждущий режим. Мне показалось, струя фуды раздула меня, как резиновый шар, аж глаза на лоб вылезли. Сосать не пришлось, если и не до кишок меня заполнило разом, то уж полный желудок и пи-

щевод надуло, это точно. Сiju с трубкой во рту, глаза пучу, а рука на кране. И тут замечаю, что кран-то уже прикручен. На полном автомате. Не сделай я этого, пробило бы насквозь, сверху донизу, сто процентов. Ну, вытащил я изо рта трубку-душегубку, проглотил с грехом пополам то, что было у меня во рту, и чувствую – кушать мне больше не хочется. «Спасибо», – думаю, а сам дышу на ладонь. Никакого запаха. Вообще. О вкусе ничего не скажу, слишком быстро ел. Ничего смешного тут нет. Вы сами попробуйте определить вкус того, что в вас накачивают под давлением. Чего ж, думаю, чипанутые сосатели такие морды корчат, будто настал самый светлый миг в их чипанутой жизни? На полный желудок думать стало лучше, и я тут же все вспомнил. Что нет у фуды ни вкуса, ни запаха. Что все это чип-модифицированные граждане получают прямо в мозг, и удовольствие от еды тоже. Причем платить надо только за удовольствие, фуда бесплатная.

«На шару фуды нажрался, – думал я, унося из фудзала полное брюхо впечатлений. – Теперь осталось только прилечь поспать на полу под стеночкой». Маман мне говорила, что от жратвы человек на некоторое время тупеет. Не знаю, как с кем, а со мной такого не бывало никогда. Наоборот. Дельные мысли посещают меня только на полный желудок, а туплю я больше с голодухи. Так же точно было и в тот день: пожрал и тут же сообразил – давным-давно нужно было врубить комменты навигатора, а не шарахаться без карты по ко-

ридорам.

Я разбудил мозг-эмулятор и лениво потыкал в экран. «Щаз...» — отозвался на клик навигатор, но поверх него всплыло окно срочных сообщений, и я прочел месагу: «Уважаемый Эндрю! Поздравляем с зачислением на факультет тестирования!

Ваш запрос о предоставлении бесплатного места в общежитии, поступивший в центр обработки сообщений 21.08 в 16:07:31:02 по времени Нижнего Города, обработан. Администрация университета с радостью сообщает Вам, что запрос удовлетворен. Ваша комната *ЗДЕСЬ*. Приятного отдыха.

Ваш запрос о предоставлении бесплатного питания, поступивший в центр обработки сообщений 21.08 в 16:07:32:18 по времени Нижнего Города, обработан. Администрация университета с радостью сообщает Вам, что запрос удовлетворен. Вы можете пользоваться фудзалами, расположенными *ЗДЕСЬ*, *ЗДЕСЬ* и *ЗДЕСЬ*. По *ЭТОЙ ССЫЛКЕ* вы найдете чип-меню и свежие предложения от нашего чип-повара. Приятного аппетита.

Ваш запрос о доступе к развлекательным порталам, поступивший в центр обработки сообщений 21.08 в 16:07:32:44 по времени Нижнего Города, обработан. Администрация университета с радостью сообщает Вам, что запрос удовлетворен. Напоминаем, что за удовольствия надо платить. Приятных развлечений.

С уважением, Администрация государственного университета Нижнего Города».

Я собирался заглянуть по ссылке туда, где было мое новое жилье, поскольку есть уже не хотел, а лучшим из доступных мне развлечений считал сон, однако поверх срочного сообщения всплыло новое, в красной рамке:

«Уважаемый Эндрю! Администрация университета предупреждает Вас, что за просмотр контрафактного реал-видео и чип-видео, употребление виртуальных и реальных наркотических средств, осуществление несанкционированного доступа к виртуальному и реальному личному пространству студентов и персонала университета Вы будете отчислены, а данные о правонарушении будут переданы правоохранительным органам».

Подписи под сообщением не было, поэтому я просто закрыл его, но мне снова не дали найти дорогу к общаге.

«Для студ Эндрю», – красовалось в заголовке следующей месаги. Текст гласил:

«Срочно распишитесь в получ постели я за вас за всех заправлять не обязана Камендант».

– Чего? – спросил я вслух. Ответа ждать не приходилось, обратного адреса я не нашел. Помотав головой, я вытащил наверх слой, в котором была ссылка на комнату, скормил ее навигатору, получил в ответ: «Ссылко детектед, йа знайу путь», – и пошел кружить по коридорам и лестницам, но теперь уже осмысленно. Фуда подействовала на меня убойно,

думал – засну на ходу. В полусне добрался до общажных этажей; едва волоча ноги, отыскивал комендантшу; зевая, получил от нее втык за то, что меня «носило черт те где», но даже не огрызнулся в ответ, так спать хотелось. Когда добрался до комнаты, на ногах уже вообще не стоял. Не до того мне было, чтобы разбираться, которая из двух кроватей моя. Обе были застелены. Я послал комендантше мысленную благодарность, кое-как разделся, оставляя шмотки там, куда они упали, и рухнул, как ю-пырь из «Slime&Darkness», если ему отстрелить башку. И показалось, только я стал задремывать...

– Эндрю! – заорал мне на ухо Штуцер. Я сел на кровати торчком. Таки задремал опять, пока припоминал свою первую ночь в общежитии.

– Без двадцати восемь уже, – сообщил от двери мой заботливый сосед по комнате. – Хочешь, валяйся дальше, а я пошел на пару.

– Иди-иди, защитник полушарий. Там тебя все уже обождались, – ответил я, зевая. Откровенно говоря, сказал я это зря. Штуцер – хороший парень, хоть он и с факультета защиты. Сам же я его и просил растолкать в семь утра (вечером напрочь потерял потенцию к занятиям и поэтому не осилил практику по химернетике), сам просил, чего теперь ругаться? «Хорошо, он не расслышал. За дверью уже», – подумал я, нацелился снова прилечь и вдруг слышу:

– Ах ты, тварь шерстистая! – завопил в коридоре Штуцер. – Хомяк волосатый, дверью прихлопнутый!

Все, думаю, утро сделано. Сейчас влетит в комнату разбираться. Только что-то слишком уж его зацепило. Хомяком он меня обзывал редко, только в особых случаях. Вообще-то, ничего такого в этом прозвище нет, я не обижаюсь. Хомяками интернатские айдиоты называют тех, кто учился в хоум-скулах. Мы их зовем скулерами. Штуцер разделения на хомяков и скулеров не признавал, очень сильно нужно было растравить ему желчь, чтоб с языка у него такое слетело.

Все, подумал я и соскочил на пол, прикидывая, как буду хватать Штуца за руки и успокаивать, но дверь оставалась закрытой, а он продолжал голосить в коридоре, как зарезанный:

– Паскуды! Узнаю, кто эту пакость опять повесил, убью! Слышите вы?! Как вашу мать конем через все порты в реале!

Какие-то он еще орал ругательства, но мне они не запомнились. Не будь я геймером, половины слов бы не понял, точно говорю. Меня самого сперва криво понимали сразу после поступления. Как сейчас помню первую контролку по тестированию. Дали нам пройти уровень шутера. Так себе стрелялка, скажу я вам, сырая, без названия еще. Но дело не в этом. Надо было не просто пройти, а составить отчет. Ну, я и составил. Стыдно вспомнить, как препод куски из него зачитывал вслух всей группе. У меня там было: «Я такой бздым в него из шотгана и стрейф стрейф влево а те такие вавау рокетами я опять стрейф блиин что за хрень не стрейфится ни фига я по кантролу типа чтобы стрейфджамп емаежики!

Вынесло меня напрочь». Смешно, да? Вот и все тоже ржали. Препод хоть не сказал, чей отчет, но народ и без того понял. Потом он говорит: «Теперь, господа тестировщики, я зачитаю фрагмент отчета Далилы». И читает: «Первый уровень, отметка 351/44. Использование комбинации “ctrl”+ “>” приводит к аварийному выходу из программы. Код ошибки...» Прочитал и спрашивает:

– Всем понятна разница?

А я ему:

– Так у меня то же самое написано!

Все опять ржать.

– Понимаете, Эндрю, – говорит он мне, – возможно, вы имели в виду то же, что и Далила, но понять вашу мысль дано не всем. Между вами и читателем возникает некоторый когнитивный диссонанс.

Тут Лао ко мне поворачивается и переводит:

– Это он на своем языке тебе сказал, что ты дебил.

Обидно вообще-то. На перерыве я ему так и сказал. Думал, махаться с ним придется, но Лао человек спокойный. Выслушал меня и говорит:

– Ты не обижайся, Эндрю, но и в самом деле тебя сложно понять. Говоришь вроде по-русски, но грязно. Ты бы отделял зерна от плевел, если хочешь, чтоб тебя понимали.

То есть намекнул мне, что надо бы фильтровать базар. Я попробовал. С непривычки плющило не по-детски, но потом дело пошло лучше. Теперь вот говорю нормально, толь-

ко иногда нет-нет, да и сорвется с языка что-то не то, как вот у Штуцера, когда его от злости переклинит.

– Паскуды! – орал Штуц. – Узнаю, кто эту пакость опять повесил, убью! Слышите вы?! Хак вашу мать конем через все порты в реале!

Когда я понял, что не ко мне все это относится, чуть успокоился и решил глянуть, что там опять наляпали на нашу дверь. Хотя и без того понятно было, – там новая картинка с эпизодом из жизни моего соседа.

– Чего там опять? – спрашиваю, высунув табло наружу. – Ну тихо, ты! Размахался! Что опять?

– Ты!.. – задыхался Штуц. – Сво!.. Вида?.. Да я!..

– Тихо, успокойся, – говорю я ему, стараясь не улыбаться. – Я еще не видел. Всего-то делов – тупая мазня. Все, что они умеют малевать, мы уже видели. Тебе пора на пару. Иди, я сам обдеру. Ну чего ты кипеж поднял из-за тупой, несмешной...

Говорю я это с постным видом и поворачиваюсь ободрать картинку. Честное слово, не хотел смотреть, чтобы ненароком не улыбнуться. Случайно получилось.

На прилепленном криво листке бумаги была нарисована кровать, на ней спиной вверх мужик в полосатой пижаме с надписью «Штуц». Он сладострастно обнимал и комкал матрац, да так, что у кровати ножки гнулись. Ниже была подпись: «Матрас-матрас, дай хоть раз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.